

Ангелина
Море

НАДЕЖДА
УМИРАЕТ
ПОСЛЕДНЕЙ

18+

Ангелина Море

Надежда умирает последней

«Автор»

2026

Море А.

Надежда умирает последней / А. Море — «Автор», 2026

Я была счастлива, когда узнала, что вскоре буду со своим ребёнком, но счастье не долго длилось. Тот, кто обещал мне дом, возможно убит, а меня...
А меня вернули в змеиный котёл...

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	36
Глава 9	40
Глава 10	44
Глава 11	48
Глава 12	54
Глава 13	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Надежда умирает последней

Глава

Продолжение " Ты Сможешь Меня Простить?"

Глава 1

Небольшая комната в серых тонах на два человека. Койки, душевая-туалет и маленькое помещение в виде гардеробной. Вот, куда я вернулась вчера. Тусклая люстра издаёт раздражающий звук, словно надоедливый комар, от которого хочется отмахнуться.

Сидя на койке, смотрю на раздражающий предмет. Внутри зарождается дикое желание вырубить её, а сил нет даже на то, чтобы подняться. Я не верю в происходящее. Мой фитилёк надежды спалил меня дотла. Оставил лишь горстку пепла. Как теперь жить? Как заставить себя бороться? Снова.

Чудовище. Он сам поджег фитиль, который грел мою душу, согревая одними мыслями о доме, о Еве, а сейчас снова удушающая реальность, от которой опускаются руки и только одного хочется - кричать. Орать во всё горло, как несправедлива жизнь и как может поступить с ней человек с огромными деньгами.

Только кому эта правда нужна? Кому нужны чужие проблемы? Никому, за исключением только тех, кто уже в этой ситуации был или сейчас находится.

А мой шанс на спасение убит, хоть мозг не верит в это и пытается придумать разные варианты событий, но вспоминая все удары, который он получил по голове и огнестрел, выжить маловероятно получится, но я стараюсь хвататься за те крохи света, иначе... Я здесь не выживу, меня никто не отпустит, зачем им это, а если вспомнить, что обещала законная жена Имана, перед смертью я обязательно должна помучиться.

Мои мысли прерывает открывающаяся дверь.

Закира.

Входит в комнату, обводит брезгливым взглядом, а потом переводит его на меня.

- Что мой муж мог в тебе рассмотреть? - сама не знаю, он так и не сказал до конца ничего.

- Это ты во всём виновата. Из-за тебя он не вернулся!

- Мы обе знаем кто предатель, - смотрю на неё, и чувствую, как тошнота приступает к горлу.

Брезгливость резко сменяется яростью.

- Ты никто, чтобы открывать рот, когда тебя не спрашивают. Будешь открывать, когда тебе позволят, поняла? – превосходство в глазах, удовлетворение, что может заткнуть мне рот.

На секунду прикрываю глаза.

Устала от этого. Понимаю, что она не даст мне хорошей жизни здесь. Её унизили, приведя в дом любовницу. И сейчас всю несправедливость восточных законов и боль, которая теплилась в душе всё это время, будет направлена в мою сторону. Её можно...

- Я спрашиваю поняла? – делает акцент на последнем слове, растягивая его.

Медленно приближается. Расстоянии вытянутой руки.

- Закира, что ты хочешь от меня? Я не выбирала такую жизнь, я не выбирала Имана и любовницей... - хлесткий неожиданный удар по щеке заставляет замолчать. Прикладываю ладонь к пылающей коже.

- Не смей! Кто ты такая, чтобы его имя произносить? Это я его жена ... не ты! - замолкает на секунду, а потом комнату заполняет приятный женский смех, пропитанный ядовитой желчью. И не скажешь, что такой смех принадлежит этой змее, которая до сих пор не может остановиться. - Любовницей? Ты её не была. Ты была ... шлюхой ... грязной... мерзкой... шлюхой. Так и останешься ею, до конца своей жизни, а то что она будет не долгой, я тебе это обещаю.

- А когда он вернётся, что ты ему скажешь? Мы обе знаем, что после такого навряд ли и ты выживешь, - замахивается, я была готова к этому. - Я могу дать сдачи, - сжимаю запястье.

Пытается вырваться, но я только сильнее сжимаю. - Отпусти меня... домой. И ты больше никогда меня не увидишь, а ему скажешь, что сбежала.

Ядовитый смех сотрясает воздух, отравляя его. Становится дурно.

- Зачем мне это делать? Если я могу сказать ему, что ты была здесь в безопасности, нежели там ... Ведь у моего мужа достаточно врагов. Но, к сожалению, произошёл несчастный случай, и ты погибла.

- Ты никогда не получишь от него того, чего хочешь, - хочу нанести ответный удар, после которого не сможет сделать вдоха, что и произошло со мной после её слов. Я поверила её словам. Она сделает это, вопрос времени.

Глаза бешеной змеи мечутся, хватая воздух.

- Я превращу твою жизнь в ад, грязная шлюха, - выходит с высокоподнятой головой, оставляя последнее слово за собой.

А я так и продолжаю стоять, пока снова не слышу звук открывающейся двери. Предчувствуя ядовитую змеюку, непроизвольно делаю глубокий вдох, но мои опасения напрасны. Это не она.

В комнату заходит девушка. Обычное темное закрытое платье, с покрытой опущенной головой. Идёт и не видит. Для неё никого не существует. Знакомое состояние. Проходит тенью в ванную комнату. Звук воды, а после тишина. Проходит одна минута, две, а девушка так и не появляется.

Стучусь. Тишина.

- Я Надя. Мы будем жить вместе. Можно я войду? - делаю снова попытку, но в ответ тишина. - Я вхожу, - девушка сидит на крышке унитаза и смотрит мертвым взглядом на противоположную стену.

- Я Надя. А тебя как зовут? – присаживаюсь на корточки перед ней, а она смотрит как будто сквозь меня.

- Я уже так не могу. У меня не осталось ни каких сил. На борьбу... На сопротивление... на жизнь, - ком застрял в горле, не могу из себя ничего выдавить, потому что сама в такой же ситуации. - Когда это всё закончится? - шепчет она, а потом переводит свой стеклянный взгляд на меня.

После того как меня привели в эту комнату, ко мне зашла та самая женщина, которая одевала меня для мероприятия к ужину.

Слышала хлопок двери, слышала шаги, но я была в мыслях ... там. В пустыне. Та сцена до сих пор перед глазами. Его глаза, его взгляд, его кровь на лице, стекающая и как в замедленной съемке гулко падающая в песок. И сейчас я слышу этот звук. Он в голове остался. А черные глаза до сих пор мерещатся. Они приковывали к себе. Смотрела в бездну и кричала, забрасывала его вопросами: почему мы пошли этим путем, если он знал, что будет? Почему поступил именно так? Ведь, он обещал мне. Что всё будет хорошо. Что я вернусь домой. Что буду со своим ребенком. Мокрая дорожка соленых слёз скатывается, оставляя влажные следы на матрасе.

- Нечего слёзы лить. Силы побереги, они теперь тебе понадобятся, - говорит из ванной комнаты.

- Вы что-то знаете? Он жив?

- Мне не положено такие вещи знать и тебе не следует задавать таких вопросов, ты не жена ему, чтобы такое спрашивать. Я управляющая здесь. Ко мне обращайся Самада Аль.

- Что будет со мной? Он обещал меня отпустить домой, - встав, осыпая вопросами.

- Я ничего не знаю. Велено было разместить тебя, рассказать о правилах.

- Кто велел? - может Камаль сказал, но он здесь никто. Он не может приказывать.

- Госпожа Фарида.

Это жена отца Имана? Не решаюсь спрашивать, не хочу привлекать лишнего внимания своими вопросами, но Самада Аль сама начала все объяснять.

- Эта вторая жена Господина Амира. Также у него есть старшая жена-Сарима и младшая-КадИра. Когда они будут рядом, голову опускай, первая не говори, обращай к ним "госпожа", - слушала молча, а в голове пульсирующая боль разгонялась по всему телу от реальности происходящего.

Почему меня нельзя просто отпустить? Он простого непонимания, казалась, вопроса мой мозг разъедала кислота, которая проникала через этот проклятый воздух, через <<новые правила жизни>>, которые Самада Аль усердно перечисляла.

Эту безнадежность и не принятие жестокого мира я вижу в глазах девушки, которая продолжает сидеть на крышке унитаза и молча рыдать. Только крупные капли слез скатываются на темно-коричневую одежду, оставляя темные круги. А я что? ... а я даже не знаю как помочь и что сказать, потому что самой хочется выть.

Опираюсь о стенку и решаю, что самое лучше, что я могу сейчас сделать для неё- это дать почувствовать, что она не одинока в этой жизни. Здесь. Сейчас. Я разделаю её чувства и эмоции. Они душат, словно удавка, оставляя невидимые красные отметины на шеи.

- Анель... меня зовут Анель, - хриплым голосом говорит моя соседка по несчастью.

- Очень приятно. Надя, - горькая усмешка задевает губы.

- Хотя с кем-то можно поговорить по-русски.

- Это точно, - хоть арабский у меня улучшился, но иногда нам приходилось разговаривать с Иманой по-русски, когда я не успела переводить слова в голове от неконтролируемого потока мыслей, чувств и эмоций. А он пытался поддерживать разговор как мог. И что самое интересное - всегда слушал.

Не верю, что его история может так закончиться. В душе уверенность, что жив. Смог выбраться. Смог себя защитить, когда ...

- Ты давно здесь?

- Мне кажется вечность. Около двух месяцев, - после недолгой паузы ответила.

- А я полгода.

- Как ты сюда попала?

- Добровольно сюда приехала. Дура, - со злобой на саму себя отвечает. - У меня брат игроман. Кучу долгов, люди, постоянно требующие денег, постоянный страх за наши жизни. Я не видела другого пути. Увидела объявление в интернете, что требуются горничные помощницы повара. Образование повара-кондитера позволяет, стаж горничной имеется. Когда деньги нужны и не такое пойдёшь работать, хваталась за всё, что могла. А как дошла о записи о зарплате с нулями, так вообще мозг с критическим мышлением отключился. Дальше время летело, собеседование, разговоры с коллекторами. Остался только вопрос с братом. Его раскаяние, жалость - всё мы это проходили. На долго его не хватало, - вымученно выдыхает. - А потом звонок мне посреди рабочего дня, что мой брат лежит в больнице. Избит так, что не узнала сначала. Не видела другого выхода, как пансионат для игроманов. Удивилась, когда он сразу же согласился на психологическое учреждение закрытого типа. Сейчас, сидя на унитазах, я хотя бы знаю, что он в безопасности и больше в это дело не вяжется. По крайней мере пока он там.

- Семья. Что не сделаешь ради неё, правда? - вопрос не требующий ответа, сорвался с губ, спустя несколько минут молчания.

- Сначала было нормально, я не строила иллюзий, всё-таки за такие деньги не глазками сверкают. Работа тяжёлая, но зарплата была, как указано в договоре. Всё началось, когда Господин Вахид приехал, - на слове господин лицо стало, словно съела дольку лимона. И судя по лицу Анель не у меня одной.

- Берёт с силой?
- Хуже.

Глава 2

Нам не дали договорить. Сама Аль вторглась в наши минуты откровения.

- Анель?! Ты должна быть уже на своём рабочем месте. Живо! Ты, - переводит строгий взгляд на меня, - вот, твоя одежда, - передаёт сложенные вещи в руки. - Отдых закончился. Анель, проводи на кухню свою соседку, - уходит, громко хлопнув дверью.

- Чёрт, не успела душ принять. Ты пока иди переодевайся, а я сполоснусь.

Через десять минут мы движемся по коридору в сторону кухни. За то время, что мы шли Анель рассказывала о здешних правилах, которых стоит придерживаться, если не хочешь лишиться зарплаты или если не хочешь получить наказание другого вида рода.

- Какое наказание?

- Я лично не знаю. Проводит их не Сама Аль, а она молчит. Потом эти девушки какое-то время отсутствуют, а некоторые и вовсе не выходили.

Снова лестница только уже вниз, поворот, коридор и дверь. Красивый узорчатый рисунок с золотыми вкраплениями на нём. Зная любовь востока к золоту, можно говорить уверенно, что это настоящее золото, а не позолота, как это принято у обычных смертных. Такая роскошь нам не по карману.

Большая светлая кухня, заполненная снующими туда-сюда девушками, выступающими в роли официанток. Главного повара, сразу определила. Она выделялась в этом огромном помещении, не только своими формами и ростом, но и энергетикой, которая от неё исходила. Энергия власти, господства и превосходства.

☆☆☆

Не знаю, начался ли мой ад, который обещала Закира или нет, но к вечеру я не чувствовала своих пальцев. Они задеревенели в одном положении с железной губкой в руках, а если и получалось ими шевелить, то боль по нервным окончаниям проходила через всю руку. Плечо ныло от однообразных движений вверх-вниз, а дно кастрюли не подавалась натиску моих замученных пальцев.

Работа на кухне, действительно, тяжёлая. Начиналась засветло и заканчивалась глубоко за полночь. Два раза в день есть перерыв на обед и на ужин. Прошла уже неделя в таком режиме.

Недосып сказывался на организме. В зеркале на меня смотрит незнакомая мне девушка. Уставшая. Утомленная и замученная. Круги под глазами стали отчетливо видны. Сегодня Сама Аль отпустила пораньше, оставив мою грязную работу провинившейся девушке-горничной, которая недостаточно хорошо выдройла санузел одной из жен отца Имана. За маленькую возможность отдохнуть, я искренне её поблагодарила. Эта женщина не та, кем хочет казаться. Она строга, резка в своих выражениях, но она справедлива и мне почему-то кажется, что иногда она выгораживает, пытаясь защитить девушек, видя истинное отношение хозяев жизни к простым смертным. С Анель нам так и не удалось нормально поговорить. У меня просто не остается физических сил на это. Несколько раз она и вовсе не ночевала в комнате. Слышу как закрылась дверь. На секунды волна страха пробегается по телу, заставляя сердце ускориться, но тут же успокаиваюсь, потому что Закира дверь не пощадила бы.

- Привет. Ты уходишь сегодня?

- Привет. Нет, - легче становится. Не хочу быть одна.

- Есть у Самиды Аль сердце, хоть она и пытается показать обратное.

- Её дочь здесь работает, думаю это связано с этим как-то, - присаживается на стул возле стены.

Повисло молчание, но оно не напряженное, а наоборот, исцеляющее. Становится чуточку легче, как бы это ужасно не звучало, когда человек находится в такой же ситуации как у тебя, и пытается бороться. Появляются силы. Вместе легче. А ещё мне помогают мои сны. Их я помню так хорошо, что могу пересказать в деталях. Может так Господь Бог мне помогает? Чтобы держалась. Чтобы не опускала руки. Чтобы верила в хороший исход. В них моя семья. Их улыбки, их смех, их голос. Интересно Ева научилась разговаривать или до сих пор на своём тарабарском? Подobie улыбки появилась на лице. Искреннее. Но сколько грусти в ней. Так всегда, когда вспоминаю о доме. Часто я задаю себе вопрос, смогла бы я столько выносить, если бы не родители и Ева?

- У тебя красивая улыбка, Надя, - вырывает из радостных мыслей Анель.

- Мысли о доме всегда заставляют улыбаться, - с этим невозможно не согласится, Анель кивает, устремляя взгляд на стену. Отключатся от реальности. Это обычное дело здесь.

- Ты говорила, что у тебя контракт. Сколько тебе осталось?

- Полтора года.

- Не так много, если учесть что ты работаешь официально и точно знаешь, что вернёшься домой по окончании скоро.

- Боюсь, что не отпустит, а этот контракт мыльный пузырь, который может в любой момент лопнуть, - в голосе слышится ядовитая обреченность. - Знаешь, и спросить боюсь. Не хочу сама взрывать этот мыльный пузырь.

- А жить иллюзией ещё хуже, - не имею права советовать, поэтому говорю всеобщую фразу.

- От самой себя мерзко. И даже душ не помогает отмыться, все равно ощущаю себя грязной, - сидя на все том же стуле, злобно говорит.

Встаёт. Нервно раздевается на ходу, направляясь в ванную комнату.

Не удивительно, что Анель понравилась мужчине. Она красива. Глубокие светлые глаза. Острый, слегка курносый носик. Острые скулы. Худая, но с утончёнными изгибами тела. Слышится звук льющейся воды.

- Я думала ты уснула, - вторгается в мысли Анель.

- Я тоже так думала, но организм, видимо, привык ложиться поздно.

Анель садится на свою кровать, опираясь спиной к стене.

- Ты боишься? Её? - после небольшого молчания решает спросить. Не удивлена, что она знает, всё-таки женский коллектив, а в нём информация разлетается, словно пух на ветру.

- Боюсь, но мне есть, что терять, поэтому стерплю всё, что она мне уготовит.

- Мне бы твой настрой. И твой оптимизм в будущее. - улыбается девушка. Но сколько боли в этой улыбке. Не начинаю спрашивать, не хочу дергать за живое, жду, когда Анель сама захочет поделиться своей историей боли. - Вахид начал проявлять знаки внимания. Пыталась бороться, но поняла, что он возьмёт вверх и зависит от меня, как скоро это произойдёт. Насколько крепка моя стена? Гипсокартон. Вот, вся моя стена. После первого раза, положил несколько купюр, а я ... а я сказала, что этого слишком мало. А сейчас... он издевается, пытается уколоть каждый раз, но всё равно забирает к себе, где даёт столько страсти и нежности, что с его словами это никак не вяжется. А утром, смотрит как на моль, продолжая давать деньги, - молчит. Не тороплю. Не задаю вопросы. Жду, когда сможет продолжить. - А я беру, не отказываюсь, снова терплю его издевательства.

- Здесь тоже есть плюс, - пытаюсь посмотреть с другой стороны на ситуацию.

Смеётся. Искренне. А потом смотрит в глаза и задаёт вопрос:

- Осуждаешь?

- Нет, кто я такая, чтобы осуждать? Чудовище сначала изнасиловал меня, унижал, а потом я кончала под ним каждую ночь, а бывало и по несколько раз, - сглатываю ком, произношу слишком эмоционально. - Я просто не имею права тебя осуждать, Анель.

- Чудовище?

- Иман. Сын хозяева этого дворца.

- Получается они братья. Вахид и твой чудовище.

- Он не мой.

- Его законная жена тебе мстит за унижение и боль, - складывает дважды два, игнорирую мою предыдущую реплику.

Закира. Дело не в ней, а в обществе, в котором растут эти женщины. Озлобленные жены, мстят девушкам, не имея прав высказать всё мужу. Получают самый сильный удар от того, кто должен защищать и оберегать. Она пришла ко мне несколько дней назад на кухню, чтобы искупаться в радости, лицезрея моё унижение.

- Госпожа...

- Госпожа...

- Госпожа...

- Ты на своём месте. Сейчас. - стало слишком тихо. Встала рядом со мной.

- Ты довольна? Я мою грязные кастрюли, сковороды, работаю до глубокой ночи, - перечисляю то, что она и так прекрасно знает.

- Не до конца, - наверное, не стоит уже удивляться как жестока природа, давая красивую оболочку не тому кому надо. Закира. Она жестока и коварна. Мстительна и безжалостна. Возможно, родись не в этих несправедливых по отношению к женщинам рамках, она была бы другой.

Надо спросить.

Только она знает ответы на мои вопросы. Не могу себя накручивать и не могу жить ложными надеждами, как потом скажет Камаль, от которых только хуже станет.

- Что с ним? Он жив? Ведутся переговоры?

- Ты не имеешь права задавать такие вопросы, - смотрит сверху-вниз. Сажу на стульчике в углу помывочной зоны и смотрю сколько триумфа в глазах от вида жалкой, замученной меня. Встаю. Спину простреливает острая боль от одного положения. Сделав вдох, пытаюсь не показать своего состояния.

- Ты увидела всё, что хотела? - смотрю прямо в глаза.

Всё это время на кухне стояла гробовая тишина. Остались повар Хиджра и девушка Лайан, но и они сделали вид, как будто их нет.

-Да. Запомни - это только начала.

Вспоминаю наш последний разговор и чувствую, как волосы встали дыбом. Мне стало страшно. По-настоящему. Понимаю, что никто не встанет на мою защиту. Одной девки больше, другой меньше. Если только он был бы здесь. Всё было по-другому. Я была бы в безопасности. Уже, наверное, была бы дома.

Слеза катится вниз. В груди свербит. Я была бы дома. В объятия дочери. Если только он был здесь...

- Лучше встать, а то если слеза закатится в ушную раковину, не очень приятные ощущения будут, - нервный смех заполняет комнату. Забирается на мою кровать, помогая принять вертикальное положение.

- Он тебе не безразличен?

- Не безразличен. Ненавижу себя за это, - на смену смеху слышатся всхлипы. - В те дни, я почувствовала себя в безопасности рядом с ним.

- Я слышала, что шейха нет во дворце, может он вызволяет сына?

- Возможно, - что-то не даёт мне полностью раскрыться перед Анель. Про Камала и Закиру. Про мои предположения на счёт Мустофы. Получается их трое. Три наследника за

трон. Может Камаль с Мустофой заодно? Только какой смысл Камалю в этом? Ему никогда не стать шейхом. Не ужели это всё из-за женщины?

После слёз и всех мыслей разболелась голова. Завтра, будет ещё тяжелее работать. Облегчение пришло после откровений. После выплаканных слёз. Засыпая, вспомнила о Боге. "Сохрани ему жизнь и верни домой".

Глава 3

Девушка по имени Лайан, оказалась дочерью Самиды Аль. Нам удалось немного пообщаться на обеденном перерыве. Приятная девушка. Работает, чтобы осуществить свою мечту. Хочет уехать учиться. Муж Самиды Аль умер несколько лет назад. Денег, что зарабатывает женщина не хватило бы на учёбу.

Сначала Лайан долго и упорно уговаривала свою мать, чтобы подзаработать, но скорее уступила амбициям и мечте любимой и единственной дочери. Потом женщине пришлось договориться с госпожой Саримой. Хотя Лайан имеет здесь привилегии, но ни разу ими не воспользовалась. Свою работу выполняла беспрекословно и качественно. Позже Анель рассказала, что девушка безумно влюблена в одного из мужчин, который часто здесь появляется. Пару раз я замечала, что в некоторые дни глаза влюблённой девушки светятся, словно прожекторы зажглись. Плохо скрываемая улыбка, как раз ее и выдавала, видимо, мужчина в эти дни появлялся во дворце. Почему-то сразу подумала о Камале. И стало её жаль. Такие мужчины могут принести только боль или ещё хуже - погибель, если любовь не взаимна. Наивная. Главное, чтобы не узнала, что мужчина, которую она отдала своё сердце трахает жену бывшего друга. Они убьют её, если кто-то ещё узнает об этом.

Мне осталось отмыть две сковороды, а потом я смогу уже завалиться на подушку и провалиться в такой долгожданный сон. В последнее время самочувствие стало хуже. Есть стала меньше. Похудела. Сама Аль чаще стала отпускать меня пораньше, видя моё состояние. Но этого было мало, что восстановиться, но при каждом удобном случае, всегда благодарила женщину. Я не знаю с чем это было связано, что она начала делать такие поблажки, а спросить боялась. Не хотела лишаться отдыха.

Но случай и любопытство взяло вверх в тот день.

- Надя. Давай домывай и иди спать, остальное утром закончишь.

- Нет, лучше сейчас. Пытаюсь следовать поговорке, - как говорила мама, но эти слова уже сказала в голове. Тем более утром я могла побольше поспать, пока грязная посуда не накопится.

- Так и ничего не научилась, живя здесь. Кротость и подчинение - вот залог хороший жизни для девушки, - начинаю усерднее чистить, потому что такие слова до сих пор выводят из себя. Не привыкла. И никогда не привыкну.

- Такая жизнь не для меня.

- Никогда не примешь нашу жизнь, Надя, - неподалеку от меня, шурша чем-то на столе, заключила свой вердикт обо мне. - Должно быть что-то тебя держит, есть ради чего ты всё это терпишь? - женщина как будто сама собой разговаривала.

Она была права. Мне есть ради чего всё это терпеть, но откровенничать о своих родных я ни с кем не собиралась. Уверена, Иман не разглашал обо мне информацию.

- Почему вы отпускаете меня пораньше? Я думала, что Закира дала другое поручение на мой счёт.

- Верно, дала. Но... - мне показалась или я услышала имя Иман?

- Вам что-то сказал Иман? - подрываюсь к ней. - Пожалуйста, скажите мне. Вы знаете что-то о нём?

- Да, тихо ты тихо, - вроде и шикает на меня, но нет в голосе злости. - Приказал присматривать за тобой. Знал, что тяжело будет тебе, но сказал, что ты сильная и справишься, - замолчала, а я зависла, обдумывая слова. Он не мог знать тогда, что так произойдёт. Он бы не рисковал, да и смысла в этом не было. - Ты, словно белая ворона здесь. Другая, пытаешься подстроиться, а всё равно выделяешься. Его мать такая же была, - смотрю на ее профиль, не повернулась ко мне, продолжает заниматься своим делом.

- Господин Амир голову потерял, когда её встретил. Все думали, что временно. Что зачистую и происходит у мужчин, но нет. Господина не отпустили чувства. Встретил её как раз у Асада. Не повезло ей оказаться между двух хищников. Не повезло оказаться в этом гадюшнике, за что и поплатилась жизнью, - нутром чувствую, что Самада Аль знает куда больше, чем говорит. И сейчас рассказывает крохи, которые, видимо, жрут её изнутри. Не может нести груз правды, давит на хрупкие плечи женщины, наказывая таким образом за молчание. - Полюбил её он. С Асадом, чтобы его волки загрызли, мир закончился, но и то, что было после, открытой войной не назовёшь. Только вот, сейчас. У господина уже на тот момент были две жены ... не сладко ей здесь было, но и брать в жены не спешил или не хотел. Уверена, что сжигают его сожаления в медленном огне все эти годы, - в конце движения была резкими, эмоции и воспоминания накрывали.

Поворачивается ко мне лицом. Шумный выдох, переводя дыхания и возвращая своим движениям мягкость и плавность в действия.

- Полюбил он тебя. Один раз и навсегда. Как и у отца произошло. Не знает он этих чувств, не было ласки и любви в детстве, поэтому волком и вырос. Не знакомо это чувство, поэтому и совершал ошибки, не зная, что и как делать, - в этих словах столько материнской любви скрыто. Чувствуется истинное отношение к Иману от этой женщины-загадки. - Я не знаю, где он и что с ним. Господина Амира нет во дворце, - отвечает на последние вопросы. Замолкает. Делает шумный выдох. - Чувствую, что жив Иман. Его не просто победить. И ты верь, Надя. Иначе... изуродует твою жизнь гадюки. Жены до сих пор не забыли мать Имана, он прямое напоминание о женщине, которую любил Господин Амир и сейчас продолжает любить. Мы женщины всегда чувствуем такое ... полностью ли нам принадлежит мужчина или нет? Душой и телом или только телом. Вот, и жёны Господина это чувствуют.

- А жёнам что я успела сделать? - хочется посмеяться от абсурдности ситуации и плакать от реальности.

- Не упустят они возможности сделать больно Иману.

Ничего не отвечаю.

- Верю. - одно слово. - Что он жив, - на большее не была способна. Я не была готова к таким откровениям. Повисло молчание. Каждый задумался о своём.

- Вы прекрасно воспитали свою дочь, - женщина глубоко вздохнула, а потом уставшим голосом продолжила.

- Лайан наивна, не знает ещё жизни толком. Живёт всё в мечтах.

- Разве это плохо ... мечтать? - возвращаюсь к своему занятию.

- Чего же плохо? Но надо не забывать о реальности и смотреть правде в глаза, а не жить иллюзиями. Чёрт бы его побрал, этого пса, - ругается уже тише. Я понимаю, что она говорит о влюблённости дочери. Не хочу лезть в душу, спрашивая кто это. Хоть и хочется подтвердить свою догадку. - Иди спать, Надя, - твёрдо, но устало произносит Самада Аль.

Уже лежа в постели, согретой собственным телом, вспоминаю слова, обрывки фраз, которые засели глубоко в мыслях.

Усталость придавила тяжелой плитой тело, но сон не шёл.

Не хочу выгораживать поступки чудовища из-за слов женщины. Не хочу даже думать в этом ключе, но мозг не обманешь. Он исправно возвращается к этому мужчине. Даже тяжелый труд не спасает меня от этих мыслей. Чаше вспоминаются моменты нашего пути во дворец. Там. Рядом с ним я почувствовала защиту и безопасность. Он сумел внушить уверенность, что всё получится. Но всё оказалось не так.

Полюбил он тебя.

А я его? Нет, ответ сразу всплыл на поверхность. Но отрицать, что ничего нет, тоже не могу. Я не хочу его смерти. А одна мысль, что та встреча была последней, приносить тянущую боль в груди. Неприятную, которая не перестает болеть.

Не знакомо это чувство, поэтому и совершал ошибки, не зная, что и как делать.

Ошибок было много. Давление с его стороны. Грубость. Жестокость в начале. Всё это не забудется. Никогда. Но он успел открыться мне. Тогда. Хоть эти мгновения были, словно пшик спички, но они были. И ему было тяжело в эти моменты. Я чувствовала это в тот момент. Непривычно для него. И для меня. Когда мы лежали под звездами, утомленные страстным сексом, задавал вопросы о моем прошлом, о моей жизни, о моей дочери.

Отвечала я всегда скупой, но он не давил больше, не заставлял открыться. Принимал только, что даю. Больше между нами не было жестокости и давления. Отдалась телом его власти, а душа по-прежнему была под замком.

Сама не заметила как с каждой минутой мысли уплывали, туман заволок разум, погружая в желанный сон измученное тело.

Глава 4

- Доброе утро, - поздоровалась Анель.

- Прости, что разбудила, - виновато смотрит. Берёт упавший стул и ставит на место. Он как раз и стал причиной моего пробуждения.

- Тебе удалось дозвониться до учреждения, где твой брат находится? - не удалось спросить в нашу прошлую встречу, а вчера, когда вернулась Анель уже спала.

- Да, получилось. Даже удалось с ним поговорить, - искренняя улыбка озаряет лицо девушки. Глаза сразу вспыхивают огоньком. - Говорит, что лечение идёт полным ходом и есть уже результат. Но жалуется на изоляцию в четырёх стенах.

- Я думаю, он осознаёт, что так будет лучше для него, - пытаюсь её подбодрить, потому что вижу, что чувства вины грызет её.

Она заперла своего брата в лечебной учреждении. В один из вечеров Анель поделилась, что брат дал заднюю в последний момент и они крупно поссорились. И сейчас он каждый раз давит на совет и жалость сестры, которая взвалила на свои хрупкие плечи непосильную ношу в виде долгов и игромана брата.

Смотрю на настенные часы: шесть пятнадцать. Уже не смогу уснуть, да и нет в этом смысла.

- Я разговаривала с его лечащим врачом, говорит, что период ломки прошёл, но иногда накрывает.

- Ему повезло, что у него есть ты, -правляю кровать и поворачиваюсь к Анель. - Надеюсь, когда-нибудь он оценит то, что ты для него делаешь, - глаза девушки блестят от влаги. Даю ей поддержку. Иногда мне казалась, что Анель пожалела уже о своём решении и именно в такие моменты она остро нуждалась в твёрдом плече, если моё исхудавшее можно так назвать.

Улыбается. Становится легче, когда понимаешь, что не одна. И твою беду может кто-то разделить.

- Спасибо, - уходит в ванную комнату, но спустя несколько минут возвращается. - Сегодня будет спокойно и не так много грязной посуды, так что вернёмся пораньше в свои хоромы, - на последнем слове сарказмом так и веет, девушка даже прыснула от смеха, обводя нашу комнатушку руками.

- Ты что-то знаешь?

- Да, - интригуяюще смотрит, делает специально актёрскую паузу. - Хотела ещё вчера сказать, но тебя не дождалась. Сегодня хозяева едут на какое-то мероприятие. Так что...можно сказать, что у нас сегодня выходной.

- Мои молитвы были услышаны, - сарказм и искренняя радость за чудесную новость приподнимают настроение.

Анель ушла.

Делаю привычные утренние мероприятия. Выхожу из комнаты. Коридор. На стенах висят картины. Все разные, в разных стилях. Только сейчас это замечаю. С таким графиком и состоянием организма не до рассмотрения картин. А сейчас есть время. Иду медленно, не спеша. Задерживаясь на каждой несколько минут. Пару раз мимо меня проходит девушка. Обменялись лёгкой улыбкой. Она работает по дому, видимся на кухне, когда принимает пищу с нами. Уже подхожу к кухне и в нос бьёт умопомрачительный запах блюд. Желудок начинает жалобно подавать признаки жизни. Голодная, как дикий зверь.

Захожу на кухню.

Всё как обычно. Все на своих местах. Поздоровавшись, направляюсь за стол, где обычно сидим.

Режим прима пищи у нас установлен. Завтрак перед работой обязателен.

Сегодня голод берет вверх над плохим самочувствием. Каша, несколько бутербродов на тарелке. Делаю чай с лимоном. Горячий, с нотками мяты. Несколько ложек каши в меня всё-таки влезает, чувствую, что ещё одна и всё вернется обратно в тарелку, поэтому отставляю в сторону и беру чай.

- М-м-м, - само собой вырывается блаженство. Помогает. Бутерброды будут явно лишними.

- Сколько будешь тут расслаиваться? Уже полная мойка посуды, - главный повар Хиджра не успела зайти на кухню, как всё своё внимание переводит на меня. Голос её схож с мужским.

- Зачем ей мыть? Для этого есть мы, - вклинивается одна из девушек-штрафников. Не поладили сразу, как только её оставили за меня домывать.

- А ты иди куда шла, а то посуду и на тебя насобираем.

Хиджра любила проявлять господства над нами. Не могу сказать, что Закира её попросила <<осчастливить>> мою жизнь, потому что не видно, чтобы исподтишка делала. Относится ко всем одинаково. Но она никогда не позволяла, чтобы кто-то вел себя как шакал, как она выразилась однажды. Сразу приструнивала. Что и случилось сейчас. А девушка ничего сказать в ответ не может. Поджала губы, вышла из кухни.

После того случая Мавия при любой возможности в отместку старается как-либо зацепить. Анель сказала, что она сама по себе такая. Натура противная. Лишь бы кого-то зацепить, уколоть, да побольней. С ней я выбрала позицию игнора. Для меня самый лучший вариант. Поэтому взяв кружку с чаем отправилась на свое рабочее место.

День прошёл быстро. Работы было не так много. Освободились рано, чем обычно, но все равно после обеда.

- Ты сегодня здесь? - спрашиваю Анель, входя в комнату.

- Да, устроим сегодня вечеринку? - возбуждено предлагает.

- Смотря что ты подразумеваешь под словом <<вечеринка>>? - отвечаю, улыбаясь.

- Возьмём вкусняшек. Посидим, поболтаем.

Решили, что принесём по очереди пару блюд, после того как сходим в душ. Нам не разрешалось есть в комнатах. Для этого есть кухня. Поэтому сейчас это было похоже на диверсию. А адреналин и разыгравшийся азарт давал некую перчинку в ситуацию. Воодушевлённая вошла в душевую кабинку. Даже такая незначительная мелочь, как душ способна сотворить чудо с настроением.

Находясь здесь, я заметила, как начала радоваться незначительным переменам и незначительным вещам. Жизнь познается в сравнение. И когда выпадаешь из привычного мира, начинаешь ценить те вещи, которые раньше были для тебя обыденностью. Сейчас это остро чувствуется.

Наскоро обмывшись, выхожу из ванной комнаты. На столе стоят блюда. Хоть никого из четы не было, но Хиджра всё равно распорядилась приготовить завтрак, обед и несколько блюд на ужин. Нас освободили, а девочки-горничные были задействованы, если кому-то из хозяев приспичит накрыть поздний ужин.

- Быстро сегодня. Обычно ты любишь поплавать подольше, - смеется Анель.

- Торопилась на вечеринку, - не остаюсь в долгу.

Анель ушла в ванную, а я решила идти за своей порцией блюд на кухню.

Все сидели по комнатам, рабочие кто жил в городе - ушли. У Самиды Аль комната в другой части дома находится, как и у её дочери, поэтому я не должна была с ней встретиться. Водрузив всё на поднос, решаю, что чай с лимоном будет не лишним. Отгоняю все мысли о своём плохом самочувствии. Только не сейчас, но Анель не слепая, чтобы очевидного не заметить.

Уже в комнате, видя непринужденный разговор, чувствую, что последний кусочек жареное мяса был лишним. К горлу подступает тошнота. Беру чай с лимоном. Только он спасает в таких ситуациях. Делаю это под проницательный взгляд Анель. Смотрит неотрывно.

- Не смотри на меня так, Анель, - откладываю чай.

- Ты беременна? - Анель из тех, кто любит задавать вопросы прямо.

- Я не знаю. Надеюсь, нет, - говорю правду, а у самой всё сжимается внутри, от одной мысли, что это может оказаться так.

Пыталась списать всё на измождённый организм, но когда услышала вопрос ...услышала это слово, холодный страх пробежал вдоль тела, гулко осев внизу живота, впивается острыми шипами в плоть.

- Месячные у меня не регулярны. То раньше, то позже, поэтому...- замолкаю. Сложно только представить, если это будет так. Я не выживу, стоит Закире узнать. Не хочу, чтобы это было так. С Иманой мы не предохранялись. Хотя он и кончал чаще всего мне на кожу, вероятность забеременеть был.

- За что нас так Бог любит? - вопрос риторический. - Если он дал ребенка, значит, так нужно, - говорит уверенно. - Только ему виднее как надо и как правильно.

- Я точно знаю, что это неправильно. Ребёнок должен появляться в браке и в любви, Анель. А это.. - обвожу комнату взглядом, не могу даже слово подобрать, чтобы описать происходящее.

- Трудно не согласится. Но может быть это истощение и сбой организма? Не стоит сейчас тогда об этом думать, лучше подождать.

- Да, ты права. Стоит лучше подождать, - легко соглашаюсь и цепляюсь за слова Анель, мысленно начинаю молить Бога, чтобы это оказалось правдой. - Сколько, кстати, время?

- Начала двенадцатого, - Анель было удобнее посмотреть на стену.

- Пора спать ложится. Я отнесу на кухню грязную посуду.

Быстро дошла до кухни, убираю улики, нашей диверсии. Ополоснув посуду, возвращаюсь в комнату.

Тишина. Но повернув за поворот, тишину разрезает какой-то непонятный шум. Резкий. Где-то рядом. Остановилась. Холодный пот страха выступил на спине. А потом услышала всхлип. Шум доноситься из комнаты, где находится инвентарь. Вхожу. Вижу фигуру у дальней стены. Сидит на полу, уложив голову на колени. Сажусь рядом. Лайан. Ставлю стакан с водой рядом, интуиция всё-таки не подвела, что нужно взять воду. Поднимает лицо, смотрит.

- Почему ты не спишь? - еле губами шевелит.

- Пить захотела. Держи, попей, - протягиваю. Пьет маленькими глотками. Благодарит, но стакан не выпускает из рук. Держится, словно спасательный круг поймала.

Обвожу комнатку глазами. Ведро и швабра на полу, видимо, это они шума навели.

- Что у тебя случилось, Лайан? - поворачиваю голову к ней. Правильно, говорила Самаид Аль про дочь. Наивна, доверится может любому человеку, кто рядом окажется в трудную минуту. Хорошо, что пошла на кухню, окажись на месте меня другая, она бы узнала то, что я уже знала.

- Я ... я видела их вместе. Они спят вместе, - запинается.

- Кто? - я не могу показать, что всё знаю.

- Камаль с ... Закирой.

- Как ты узнала?

- Как это бывает в жизни, - горько усмехается. - Случайно.

- Ты же понимаешь, что это никто не должен узнать? - хочу убедиться, что понимает всё степень серьёзности этой ситуации.

- Что? О чём ты, Надя? Об этом должны все узнать. У госпожи Закиры муж есть, он в плену, а она спит с его человеком. Камаль с Иманом с детства дружат. Мне мама рассказывала.

А они за спиной у всех. Это большой грех, Аллах ... - перебиваю, вижу, что сейчас эмоции полностью задвинули разум плотной стеной.

-Тише... тише, Лайан, - пытаюсь успокоить, прижав к себе. Не противится. - Я понимаю, тебе больно. Ты влюблена в него и... - поднимает глаза в удивлении. - Трудно не заметить это, что ты влюбилась. Горящие влюбленные глаза выдают любого, - замолкаю, беззвучный плач заполняет комнату.

Вспомнила себя в подростковом возрасте. Как мама сидела рядом и гладила своей рукой по спине, даже от этого простого действия становилось легче тогда. Здесь другое воспитание, но от первой влюблённости никто не застрахован. И Самида Аль не сидела бы так и не гладила рукой в успокаивающем жесте свою дочь, не смогла бы дать то, что сейчас нужно этой девушке.

Трудно сказать сколько прошло время. Прижимаю Лайан к боку, никто не нарушает успокаивающую тишину. Она сейчас поплачет и ей станет легче. Слёзы снимут напряжение, а потом можно и поговорить.

- Спасибо, - совсем тихо. Поднимает голову и вытирает слезы ладонями, перед этим поставив стакан с водой на пол.

- Я так же плакала. Было больно. А сейчас понимаю, что это того не стоило. Все через это проходят, - мы напротив друг друга. Эти откровения искреннее, захотела сама поделиться своей жизнью. - Об этом никто не должен узнать, Лайан, ты ведь понимаешь? - отводит взгляд. Главное, чтобы проблем себе и Самиде Аль не принесла этой информацией. - Лайан, если кто-то узнает, как думаешь кому поверят? Уважаемой госпоже Закире или обычной горничной? Тогда уже никто не посмотрит, что ты дочь Самиды Аль, в лучшем случае вас просто уволят и сошлют в какую-нибудь дальнюю деревню, а в худшем...- стараюсь достучаться.

- А как же справедливость, её муж он... - перебиваю, неприятный скрежет полоснул, словное лезвие по груди от слова муж. Несколько секунд, отстраняюсь от этой непонятной эмоций и чувства.

- Пойми, справедливости в жизни очень мало, а добиться её и вовсе никогда не сможешь. Особенно, когда имеешь дело с влиятельными и богатыми семьями. Никому эта правда не нужна, от неё будут только одни проблемы, - тяжело принять правильное решение, когда твои чувства задеты, но другого выхода нет. Главное донести это до девушки. - А на счёт греха... Их обязательно накажет Бог, прости, Аллах. В этой жизни всё возвращается бумерангом. Запомни это, Лайан. Надо только подождать.

Мы ещё немного поговорили, а после разошлись по своим комнатам.

Анель уже спала. Быстро сделав водные процедуры, ложусь спать. Завтра обычный трудовой день и нужно набраться сил. Как только тяжелая мыслями голова коснулась подушки, я провалилась в темноту сновидений.

Глава 5

Прошло несколько дней. Жизнь текла своим чередом. Работа до ночи, сон и снова работа. День сурка.

Страшно было смотреть на своё отражение в зеркале. Подобие меня, но очень отдалённое. Моей коже не хватало солнца, свежего воздуха, хотя в комнате маленькое окошко есть, но этого мало. На кухне большие окна, выходящие на задний двор. Из-за включённой варочной панели стояла невыносимая жара и духота, ветерок иногда залетал в открытое окошко, но облегчение приносил секундное. Очень хотелось иметь доступ на улицу. За свой длинный язык я получила дополнительную работу - вынос мусора вечером, когда не смогла сдержаться и сказала Хиджре о том, что не хватает кислорода. На следующей день у меня появилась новая обязанность. Не знаю, это с веления Закиры или самой Хиджры, но я рада, что появилась возможность выходить на улицу.

Появилась мотивация мыть быстрее грязную посуду, чтобы побыстрее выбраться на улицу. На кухне одна. Посуда вымыта.

Перчатки так и не дали, сколько бы я не просила. Самид Аль отвечала: <<не положено>>, а после разворачивалась и уходила. Понимаю, что это не ее порядки, и она не может послушаться хозяев, поэтому зла не держала.

Из-за железной губки есть повреждения кожи, пару раз пришлось накладывать мазь на ночь, чтобы вся грязь вышла вместе с гноем. Стараюсь аккуратно чистить, беречь пальцы, но после одного замечания от Хиджры, когда она увидела подгоревший налёт на дне кастрюли, пришлось опять терпеть боль сквозь зубы. Стараюсь не обращать внимание на постоянное перенапряжение в пальцах, но удается с трудом, когда превозмогая боль пытаешься сначала разомкнуть пальцы, а потом сделать небольшую разминку.

От постоянных моющих средств и чистящих у меня начали появляться покраснения. Не удивилась вылезавшей аллергии. Попросила Анель достать крем для рук, хотя понимаю, что он вряд ли поможет. Помогли бы препараты, но что-то не даёт мне озвучить и их.

Анель все достала, заказала через горничную, с которой работает. Беру мусорный мешок и выхожу на улицу.

Задний двор.

Прохожу через небольшой участок высаженных экзотических деревьев. Аромат кружит голову. Как же приятно здесь находится. В ряд посажены несколько видов фруктов. Виноград, персики, нектаринки, апельсины. Тянусь к созревшей грозди винограда. Сладкая, но теплая. Люблю, когда он холодный, с холодильника, чтобы слышен был хруст прокуса кожицы и первые брызги сладкого нектара после.

На кухне нам разрешалось есть фрукты, отводилось определённое количество на каждый день. Чуть дальше есть лавочка, как раз в тени листьев, на обратном пути там и посижу.

Возвращаюсь обратно за мешком, оставленном чуть поодаль в сторонке. Иду по асфальтированной тропинке, прохожу экзотический сад с фруктами, а спереди по левую сторону стоит охранный пост, значит, еще левее стоят мусорные баки.

Вооруженные люди, замечаю троих. Выбрасываю мусор и стараюсь скрыться с их поля зрения.

Глаза закрываются, ужасно хочется спать, но не могу себя лишиться удовольствия от предстоящей небольшой прогулки.

Иду медленно, теперь уже вдоль деревьев. Яркие сочные ароматные плоды свисают с веток, насыщенно зеленые листья скрывают от людских глаз свои плоды. Пожалуй, ещё и нектаринку сорву. Аромат проникает в лёгкие, не могу насытиться, дышу жадными глотками.

Я уже и забыла, как бывает ночью холодно. Хотя в городе не такая низкая температура, как в пустыне, но предательские мурашки всё же бегут по телу. Срываю самую спелую гроздь винограда. Наслаждаюсь моментом тишины, одиночества и ... покоя.

На небе россыпь звёзд. Сажусь на лавочку у раскидистого дерева мангустина. Они посажены не как все в ряд, а в хаотичном порядке только справа стороны. Я насчитала три. Под каждым есть лавочка, выбрала не самую первую, а следующую. Вечерняя прохлада даёт то, что так не хватает днём на кухне. Ветер еле ощутимый, едва заметно колыхает листочки. Это самое зеленое большое дерево здесь. Устремляю взгляд вдаль на звезды, не забывая откусывать медовую нектаринку. Жмурюсь от сладости и насыщенного запаха фрукта. Сразу всплывает образ Евы. Она обожает их. Может за один раз весь пакет слопать. С каждой секундой становится тяжелее пережевывать кусочек сочного фрукта, вспоминая начинают душить, усиливая постоянную ноющую боль в сердце. Слезы накатывают, только я не позволю им пролиться. Хотя ... наверное, стоило бы. Хочу доест, но образовавшийся ком не даёт это сделать.

- Как ты там, моя девочка? - спрашиваю вслух. - Я так по тебе соскучилась.

Раздирает кто-то моё сердце, захлёбываюсь и уже не могу остановить дорожку слез, стекающую на платье-робу. Я словно мазохистка, вспоминаю наши с ней моменты и тону в пучине невыносимой боли.

Разум кричит: - Остановись, Надя! Этим не поможешь.

А я не могу, эти воспоминаю всё что есть у меня. Они мой маяк в бушующем океане, где не видно ничего сквозь высокие волны, и только красная точка поблёскивает с перерывами, когда волна спадёт, а потом снова взмывается ввысь. И эта борьба продолжается каждый день. Эмоции накатывают, словно резкий ливень после степенного дождя.

Злость на бездушных людей.

Жалость к самой себе.

Слабость, что я ничего не могу сделать, что я никто. Одна. Песчинка в большой пустыне, которой остается только лететь куда ветер подует.

Вина, за тот день, когда мама предостерегала меня. Почему меня он выкрал? Случайность? Или все было спланировано? Но при чем здесь я? Тот раненый говорил, что я предатель, значит, меня кто-то подставил, но кто? У нас все девушки разные, перепутать только глухой и слепой мог.

Становится холоднее. Озноб пробегается по телу. Беру виноградинку, покрутив, отправляю в рот. Ноющая пустота пришла на замену тому фаршу, что был внутри. Увидела падающую звезду и загадала желание.

Слышу какой шум сзади. Замираю.

- Тебя могут высечь за воровство, - вздрагиваю от знакомого голоса. Не знаю, что ответить на это.

- Не сдержалась, - зачем оправдываюсь перед человеком, которому всё равно на меня.

Присаживается на другой край лавки.

- Как только мы убедимся в безопасности, тебя отправят.

- Есть какая-то опасность для меня вне этого дворца? - усмехаюсь я. Понял ли он, что я хотела этим сказать, трудно сказать.

- Теперь уже все знают, что ты дорога Иману, - вина иногда накрывает с головой и в такие моменты дыхание сбивается. - Если будешь умной, сможешь справиться с трудностями, - трудности? Так легко говорит об этом, чувствую, как злость начинает клубиться, вытесняя здравый смысл.

- Это ... того стоило? Предательство ... - Этот вопрос давно крутился на языке. Хочу посмотреть ему в глаза. Не понравилось, сжимает челюсть.

- Кто ты такая, чтобы судить, ничего при этом не зная? - смотрит раздраженно.

- Я не сузу... я презираю. Почему нельзя было сделать по-другому? Он бы был здесь.

Низкий смех мужчины эхом уносится листьями в ночное небо.

- Ты ничего не знаешь о наших законах и устоях, и делаешь преждевременные выводы, основываясь на законах своего мира. Здесь другой мир, ты должна была понять куда попала, а ты до сих пор живёшь иллюзиями и ложными надеждами. Он никогда тебя не оставит... если останется жив. Восточный мужчина никогда не откажется от женщины, которую выбрал, - в груди что-то начинает сжечь, это чувство перерастает в нечто, сродни, если небольшой клинок вонзить беспрепятственно прямо в цель, а потом резко вынуть его. Не ужели он сказал то, что я больше всего боялась услышать? - <<Он бы был здесь>>, - улыбается, и задирает голову вверх. - Это говорит твоя надежда на возвращение домой или твои чувства к нему?

- У меня нет к нему чувств! Я хочу вернуть свою жизнь. Вернутся домой - вот, что я больше всего хочу, - уже более тихо.

- Обманывай себя дальше, но мы оба знаем, что он пробрался глубже телесных ощущений. Да и твоя жизнь никогда не будет прежней, и это ты понимаешь.

- Когда будет безопасно? Через сколько? Сколько еще ждать? - хочу знать, когда будет финиш.

- Не могу сказать. Но... для тебя это хорошая новость, - кривит один уголок рта, а глаза смотрят так, как будто он знает меня до последней молекулы, - он жив. Убили бы - вернули для погребения, а так...

Сжимаю пальцы от предстоящей картины. Из-за покраснений замучил зуд на руках, это не остаётся без внимания.

- Ты хочешь что-то спросить? - хочу, но он ничего не сможет сделать, а если заступится за меня перед Закирой, то сделает только хуже.

- Не вижу смысла.

- Правильно. Ты здесь в роли наложницы, если можно так выразиться, - смотрит на мои руки, - всё могло быть гораздо хуже, - говорит так просто, будто рассказывает как приготовить одно из его любимых блюд. Никогда не смогу к такому привыкнуть. Как же сильно отличаются устои и правила оборзевших от больших денег людей и обычных ... крестьян? Да, мы для них не люди, хоть крепостное право отменили, но по факту ничего не поменялось для обычных смертных. У кого больше денег, тот и правит обществом.

- Тогда по вашим же законом ты подписал себе и Закире смертный приговор.

Мой взгляд устремлён прямо перед собой. На дворец, точнее малую его часть. Красивый. Стены песчаного цвета. Оконная окантовка бросается в глаза, она черного цвета, при чём на всех окнах, а сам размер окон в зависимости от назначения комнат разный. Со второго этажа идут лоджии.

- Я не видел другого пути, - не думала, что ответит, молчание длилось слишком долго, по крайней мере, мне так показалось.

Уже в комнате, лёжа под лёгкой простышкой, прокручивала наш диалог с Камалем. До сих пор удивлена его ответом на последний вопрос. Не ужели такая сильная любовь к Закире, чтобы предать того, с кем разделял не раз трапезу в его же доме? Стоит ли она таких жертв? Правильно сказал Камаль, что я не знаю ничего, чтобы судить. Правда куда глубже, чем кажется. И буду честна с собой, не хочу так глубоко нырять. Боюсь, не выплыву. Да и не нужна она мне, единственное, что хочу - это вернуться к семье. Ещё есть Мустофа, не известно какую он играет роль.

Мне бы провалиться в сон и отдохнуть, но сон как назло не идёт. Выплывают слова Камаля, сказанные про Имана.

Он никогда тебя не оставит не верю в это, он бы так не поступил. Иман говорил искренне там ... в пустыне, где были только мы и ночные звезды.

Не верю.

Когда он спрашивал о дочери и моей жизни, для него это было важным. Для человека, которому всё равно чья та жизнь не тратил бы своё время на ненужные ему разговоры.

...если останется живёта часть предложения отозвалась тяжестью в груди. Ноющей. Неприятной. Как будто булыжник кинули, и вдох трудно сделать.

Успокаиваю себя, напоминая, что он жив. Так утверждает Камаль, но можно ли ему верить? Мне ничего другого не остаётся.

И я сама в это хочу верить.

☆☆☆

От Лайан узнала, что Камаль был частым гостем ещё в детстве. Мы с ней стали ближе в общении, нередко вели непринужденную беседу во время обеда или ужина. Через день после того дня в комнате, где девушка горько плакала, Лайан пришла ко мне на кухню поздно вечером.

Эмоция кипят, она не может ни с кем поделиться своей болью о безответной любви. Видела, как сдерживает слёзы, видела, как пытается бороться и не показать своего истинного состояния, но эта девушка другая. Она отличается от здешних арабов. Не может держать маску, когда плохо... Слишком наивна, не лицемерна, добра и в ней нет корысти, нет той фальши, которая присуще местным женщинам. В ней больше человечности, думаю это качество ей досталось от Самиды Аль.

Тем вечером, мы поговорили не больше часа. Хоть она и утверждает, что приняла реальность, но по глазам, которые не никогда не врут, видно, что боль её разъедает. Влюблена она в него уже давно, за долго до этой работы, а когда в первый раз увидела <<думала, что умру от учащенного сердцебиения>>. Лайан по рассказам своей матери создала образ идеального мужчины, а когда увидела, этот образ только закрепился красивой оболочкой.

Она выговорила, поделалась горечью, которая заполнила всё душу. Краски жизни пропали, но она справится и обязательно найдёт достойного мужчину. Такой, как Камаль не подходит ей. Они слишком разные. Я только надеюсь, чтобы её осведомлённость о романе с замужней женщиной не навредила ей.

- Тебе больно. Я понимаю. Все мы влюбляемся... и чаще всего не в тех, в кого стоило. Ты справишься, Лайан. Помни о своей цели, ты ведь хотела поехать учиться? - дожидаюсь кивка.
- Иди к своей цели, а мужчину, который тебе по судьбе встретишь позже. Обязательно встретишь, такой как ты нужен особенный.

Не смотрела на меня, но я надеюсь, что слышала. Я, действительно, ей желала этого, говорила от чистого сердца, но прислушается ли она ко мне?

Выходя из кухни, мы столкнулись с матерью Лайан. Сказав, что не нашла дочь в комнате, пошла искать её. Обвела нас настороженным взглядом, после развернулась и ушла в противоположный край коридора, пропустив дочь вперёд.

На следующий день я всё чаще стала обращать на себе пристальный взгляд Самиды Аль, когда снова Лайан села рядом начиная разговор <<ни о чём>>. Она не подходила, вела себя как обычно, но этот взгляд явно, что-то, да значил. Этим же вечером, когда кухня опустела, а я домывала посуду, Самиды Аль завела разговор, как только прикрыла дверь.

- Ваше общение с Лайан может навлечь на неё беду, поэтому, Надя, сократи общение с ней до минимума, - я стояла у стола и вытирала руки о полотенце, когда Самиды Аль после небольшого молчания заговорила. Ждала, первой не начинала, потому что сама не знала о чем хотела поговорить женщина, хотя догадывалась.

- Самиды Аль, почему вы сами не запретите ей со мной общаться? - понимаю опасения женщины, но червь жалости начинает копошиться. Лайан нужна сейчас поддержка, а Самиды Аль не даст дочери то, что ей сейчас нужно.

- Надя, мы обе знаем за кого тебя здесь считают и какое место ты занимаешь в этом доме, - неприятно слышать, - общение с тобой негативно скажется на моей дочери. Она ...

- Запретив ей со мной общаться, вы не хотите становится врагом для дочери, потому что моя судьба в этом доме не определена, - отвлекаюсь на вид из окна. Маленькая передышка. - Я понимаю вас, не знаю... наверное, так же бы поступила на вашем месте. Я сокращу общение, но словесно не причиню ей боль, - уверена, что Лайан не так откровенно с матерью и поэтому та ничего не знает о её терзаниях. Но видит, что с дочерью что-то не то. Сама Аль любит свою дочь, но это любовь закована в рамки. Эта любовь подпитывается устоями здешней жизни.

Глава 6

Добралась до комнаты быстро. Звонящая тишина заполняет маленькое помещение. Громко стучат стрелки от часов. Слышно каждую секунду. Словно колокол рядом.

Анель сегодня ночует у Вахида. Видно, что девушка мучается от ситуации, в которую сама же себя и загнала. Если бы промолчала в первую встречу, кто знает, может и не заинтересовался мужчина её.

До безумия дикая разница отношения во время секса и после медленно её убивают, словно серная кислота по маленьким каплям на изматывающие мысли разум.

- Почему он так поступает? – обреченно с шумным выдохом произносит.

Боялась спросить, но потом переборола себя, но пожелала. Лучше бы этого не делала. Анель рассказала на эмоциях, и ей двигала злость, но эта злость поверхностная, внутри у неё раздразнит от непонимания, приправленный душевной болью, обидой и разочарованием. Не хочет этого показывать, но голос иногда дрожит, а вот глаза прячет, потому что понимает, что уже ничего не сможет скрыть.

- Секс у нас разный, и относится так, что я себя ощущаю на седьмом небе от счастья, а после... Лечу вниз. Без страховки. Разбиваясь вдребезги.

- Он тебя заинтересовал как мужчина?

- Я не строю иллюзий на наш счёт. Но там, - указывает на грудную клетку, - свербит. Сильно свербит. Я понимаю, что между нами ничего не будет кроме секса и я после истечения срока работы уеду, но его ... На доли секунды, когда шепчет на ухо слова, - сглатывает, - мне кажется, он показывает истинное отношение ко мне, - шумно вздыхает. - Дура. Кто меня тогда за язык тянул? Кто он, а кто я? У него есть жена...- отворачивается. Сжимает в руках легкое покрывало.

- Он ведь не задержится здесь надолго? Может стоит как-то сократить ваши встречи? - присаживаюсь рядом и осторожно дотрагиваюсь до плеча. Не отстраняется. Сделав глубокий вдох, поворачивает голову ко мне. Убираю руку.

- Сказал, что половину работы сделано. Осталось несколько месяцев подождать.

- Когда нет определённости ещё хуже... Может сослаться на ухудшение здоровья? Плохо чувствуешь себя, живот болит, месячные? - понимаю, что прокатит только несколько раз. Еле слышно. - Главное, чтобы с собой не взял тебя.

- Я не думаю, ведь у меня договор с ..., - а потом смотрит на меня и не может продолжить фразу. Вспоминает мою историю и понимает, что они могут ВСЁ.

- У тебя не такая плачевная ситуация, как у меня, Анель. И лучше разбитое сердце, чем невозможность вновь увидеть своих близких.

Возможно она не получила той поддержки, на какую рассчитывала, но как сама Анель сказала: <<не нужно стоять иллюзий>>. Она ничего не ответила, только кивнула, но как-то обреченно. Не стала больше ничего говорить, не имею права этого делать, когда сама копошусь в чувствах, пытаюсь понять, что я, действительно, чувствую к Иману. Виню себя, что так закончилось всё. Иман говорил, что им нужно забрать оружие, которым торгуют на его территории. Но на нас напали...

Не желаю вспоминать, что было после, поэтому выплываю из мыслей и окунаюсь в реальность.

Быстро проведя гигиенические мероприятия, ложусь в постель. Как только голова касается подушки, как я тут же проваливаюсь в спасательную темноту.

☆☆☆

С Анель мы увиделись следующим утром.

- Я видела, можешь не говорить, - хотела сказать, что она выглядит слишком помятой, но Анель меня опередила. - Он меня сегодня заездил. Как будто в последний раз трахал. Безумно хочу спать, - зевает, плюхаясь на свою кровать.

- Только не засыпай, у Самиды Аль хоть и есть сердце, но лучше...

- Знаю, - перебивает, не дав договорить. - Если сейчас не подниму свою жопу, то есть риск как раз встретится с темной стороной нашей управляющей, - снова зевает, но встаёт. - Надя.. - смотрит, маленькими глазками, которые слишком сонные. - Я тебе тогда не сказала <<спасибо>>, - трет лицо, чтобы как-то взбодрится. Взгляд более осознанный. - Спасибо тебе. Я ценю, - не ожидала, что мой день начнётся с благодарностей даже не нашлась с ответом. Анель уже в ванной. Не стала говорить, что ушла, всё равно не услышит из-за шума воды.

☆☆☆

День прошёл как обычно. Вымотанная, опустошенная, я домывала последнюю кастрюлю, как услышала звук открывшейся двери.

Закира. Спина ровная, царственная походка. Лицо ничего не выражает. Вытерла руки, встала. Знала, что она снова придёт. Морально готовилась к этой встрече. Но как оказалось, к ней невозможно подготовиться.

Остановилась возле стола. Обводит презренным взглядом с ног до головы, это ощущается так остро, что непроизвольно ёжусь.

- Похудела, - молчу. - Если я узнаю, что ты беременна... - капельки холодного пота выступили на спине. Очень надеюсь, что смогла сохранить спокойствие на лице. Тяжело. Особенно, когда смотрят, словно ты муха, сидевшая недавно на говне, - а я узнаю. Не позволю меня опозорить, слышишь меня? - на последних словах её мнимое спокойствие даёт трещину.

Недавно мне стало плохо. От специй запахи были слишком насыщенными, и мне показалось, что сочетали несочетаемое. Не удивлена, что об этом узнала Закира.

- А если забеременеешь ты? - её надетая маска расплывается с каждой секундой, показывая истинное лицо.

- Молчи! - более громко. - Что ты знаешь обо мне? Что? - ядовитая злость заполняет глазное яблоко, а на самом дне дикая боль. Закира хоть и гадюка, но сейчас видно, что её жизнь не такая, какую она хочет показать. - Молчишь? Нечего сказать? Вот, и молчи. Ты не знаешь через, что я прошла. И я ... не позволю шлюхе украсть то, чего я не получила, - глаза блестят. Вопрос только от чего: от слёз или от ненависти. - Чем я хуже тебя? Чем? - это уже не она, а та боль, которая так долго копилась, но уже готова вырваться на свободу. Потому что человек - сосуд не бездонный, и всему есть предел. Только я не хочу быть ведром для слива помой.

- А чем заслужила я? Я не прыгала на твоего мужа и не требовала его внимания. Меня выкрали! Слышишь?! Выкрали! А ты решила ... ответственность за свою несчастную жизнь перекинуть на меня. Только, Закира, я ни в чём не виновата, - не сразу поняла, что произошло, но почувствовала, как голова резко повернулась в сторону. Пощечина. Резкая и хлесткая. Не ожидала. Щеку жжет, но ничто по сравнению с бушующим ураганом внутри. Поворачиваю голову и смотрю в глаза. Без страха. Твёрдая решительность противостоять. Как смогу.

- Заткнись! - громко. - Молчи, слышишь?! - тише. Отходит на несколько шагов и смотрит. Глаза топят в боли. Адской. Долгой. Изнуряющей боли. Эта боль засела глубоко. Она так тщательно её скрывает за маской высокомерия и надменности, что сама начинает верить в нарисованную ею же реальность. Ей так легче. Она права только в одном. Что я ничего о ней не знаю и что ей пришлось пережить. Но и она ничего не знает обо мне.

Пытается справиться с эмоциями. Они её сжигают, словно оголодавшие звери, которых держали несколько лет на цепи. Поглощают полностью. Глубоко дышит, пытается снова посадить их на цепь.

- Если ты окажешься беременной, я сама его вырежу, - разворачивается и уходит. А я только спустя несколько минут прихожу в себя и смотрю на свои подрагивающие пальцы.

Трясёт. Этот разговор вывернул наизнанку внутренности. Всё мою израненную душу, если, конечно... она ещё у меня осталась.

А ещё мне страшно. Очень страшно.

Взяв мусорные мешки выхожу на улицу. Прохладный воздух вперемешку с запахами ароматных фруктов попадает в лёгкие. Душу часто. Глубоко. Хочу пройти в себя, унять дрожь. Но выходит с трудом.

Выбросив мусор, направляюсь к лавочке. Нужно успокоится. Сколько бы не делала глубоких вдохов, не становится легче. Горло сжимается, печет. Мелкая дрожь пронзает раз за разом все тело, словно маленькие раскаленные иглы, от чего я дёргаюсь.

- Мне очень страшно, - говорю в пустоту, надеясь, что кто-то заберёт это чувство.

Обнимаю себя.

Как же мне не хватает безопасности... Иман. Не хочу о нем думать, потому что до сих пор не могу понять свои чувства. Моя жизнь так резко меняется, что сейчас я вспоминаю только последние несколько недель с Иманом. Почему только эти воспоминаия засели? Почему часто вспоминаю наши ночи, разговоры под открытым небом? Почему? Гоню от себя эти мысли. Сейчас не это главное.

С каждым днём моя уверенность, что во мне зародилась новая жизнь крепнет. От этого становится так горько, что горечь ощущается даже во рту.

Отчаяние и беспомощность душат. Дышу, а воздуха не хватает. Хватаю маленькими глоточками, как рыба на суше, но становится легче только спустя несколько минут. Глаза мокрые, а слёз нет. Не могу.

Она ведь, действительно, сделает то, что сказала. Действовать будет не разумом, а эмоциями. Пожирательная боль, ненависть и уязвлённость сейчас раздирают её в клочья. Она, без сомнения, показала себя настоящую, и то, что пыталась непонятно сколько времени вскрыть, выбралось наружу. Жалко ли мне её? Нет, может кто-то и смог бы, но не я. А то, что она сейчас делает и пытается показать или доказать, это только мнимое успокоения для подтверждения своей собственной значимости, потешить своё покалеченное <<Я>>. Она выбрала именно такой способ. Самый лёгкий, не уверена, конечно, что у неё был другой, но я этого ВСЕГО не заслужила. Я ничего этого не желала. Но ей плевать на это. Даже не стала слушать. Значит, и мне плевать на её прошлую жизнь, на её настоящую жизнь и то, что ее ждёт...

Сделав несколько глубоких вдохов-выдохов, поднимаюсь. Уже поздно, тело жутко требует отдыха. Да и разуму нужна небольшая передышка. Особенно после такой эмоциональной встряски.

Возвращалась обратно в душную маленькую комнату не торопясь, каждый шаг даётся с огромным трудом. Знаю, что лучше это время потратить на долгожданный отдых, но эти шаги... словно идёшь по замершей земле и с каждым шагом, земля всё холоднее и холоднее, а ноги еле-еле переставляются, как будто не мои.

Что со мной?

Собственноручно себя убиваю, продолжая медленно идти по ледяной земле.

- Что с тобой? - из далека доносится голос Анель. Взгляд взволнованный. - Надя, что с тобой?! - более громко. Комната. Как дошла? Не помню.

- Анель, мне так страшно, - невидимый вакуум рассеивается. Становится слышно тиканье часов, частое дыхание девушки. - Если я беременна, она вырежет его... вырежет ребёнка, - обнимаю себя руками.

- Давай присядем. - ведёт к стулу, а сама садится на кровать, напротив меня. Наклоняется, накрывая свои руками мои. Чувствую, как слегка сжимает. - Такая холодная. Закира? - киваю. - Может выпить на всякий случай таблетку? Пока не такой большой срок, чтобы в дальнейшем не было с этим проблем.

- Она уже не поможет. А те, что помогут, только в больнице принимают, - приподнимает бровь в немом вопросе. - я медсестра, не гинекологии, а хирургии, но все же что-то знаю... не зря же зубрила всё в колледже.

Мы ещё некоторое время поговорили, Анель помогла прийти в себя, отвлекая на истории из жизни, но помощь в моей ситуации никто не может, кроме меня самой. А я в таком подавленном состоянии... что не могу мысли собрать в кучу. Они, словно муравьи, мечутся возле разрушенного дома и пытаются восстановить свои жилища, создавая хаус своей беготнёй.

От нескончаемых мыслей разболелась голова. Постоянная вибрирующая боль в висках, подобна дрели в стене.

Промучившись, я смогла уснуть, зная, что следующей день будет прожит только с одним желанием - поскорее бы этот день закончился.

Глава 7

День выдался тяжелый, как и предполагала. Всё валится из рук. Получала несколько замечаний от Хиджры за невнимательность и безбрежное отношение к хозяйской посуде. А что толку от этих замечаний, я же не специально. У меня пальцы рук, да и сами руки не держат эти тяжеленные кастрюли и сковороды. А ещё ведь постоянно таскаешь их с места на место.

Подушечки пальцев уже не такие мягкие, как были раньше, наверное, даже кремами не восстановлю.

Взяв железную щётку и обмокнув в чистящее, начинаю тереть подгоревшую накипь. Под бесконечный водоворот мыслей, вспоминаю сегодняшнюю ночь.

Сон. Странно даже, что именно сегодня Иман приснился. Он уже появлялся несколько раз в сновидениях, но они были такими не чёткими, что я предпочитала думать, что этого просто не было.

А сегодня...

Всё было настолько реалистично, что на секунду после пробуждения меня пронзила острая игла разочарования от того, что это все лишь был сон.

Пустыня. Ночь.

Сияющие звёзды на небосводе. И круглая луна, подглядывающая за двумя сплетёнными телами, прикрытыми легким покрывалом.

Иман ничего не говорил. Только жадно... по-звериному приближался к волосам, к шее и вдыхал полной грудью, как будто не мог поверить, что это, действительно, я. Ненасытно просматривал каждый сантиметр тела, сопровождая всё легкими обжигающими маленькими поцелуями.

Но стоило мне что-то сказать, как он остановился, наваливался на меня, даря ту приятную тяжесть мужского тела и всматривался в лицо. Внимательно. Боюсь прослушать.

Слушал, когда я спрашивала, что с ним, когда вернётся? А он ... он заглядывался на мои приоткрытые губы, а потом алча набрасывался на них, забирая последний воздух из лёгких.

Слушал, когда я рассказывала о своей новой жизни, опускаю самые неприятные моменты, но уже вникая в каждое слово. Тело стало напряженным, словно опасность рядом, стальные мышцы напрягались, словно камень. Глаза серьезные, брови сердито сведены к переносице. Вернулся тот Иман, которого я боялась. Появилась та убийственная энергетика, от которой волосы вставали дыбом и хотелось только одного - убежать. Но не сейчас... Она уже для меня другая. Окутывающая. И уже не страх овладевает телом, а предвкушение.

Если взглянуть в его зеленые глаза можно увидеть то, что на первый взгляд покажется галлюцинацией. Тревога, обеспокоенность и растерянность впились в один комок, вытесняя ту привычную серьезность и жестокость, оставляя истинное отношение ко мне.

Ничего не говорил. Смотрел.

Попросила вернуться поскорее, а потом... сдерживая слёзы рассказала о возможной беременности.

Неверие. Шок.

Пришлось сдерживать смех, такое не каждому удавалось увидеть. Радость? Но без улыбки. Иман - человек действий. Поэтому и радость была в действиях.

Поцелуй обрушился неожиданно. Поглощающий. Пьянящий. Уносящий далеко от реальности. Туда, где можно забыться. И остается только впитывать обжигающую страсть мужчины. Поцелуй долгий. До нехватки воздуха. До жжения в лёгких.

Не может остановиться, а я и не хочу, чтобы останавливался. То, чувство, которое я так жаждала, наконец, получила.

Безопасность.

Сейчас. С ним. Ничего не страшно.

Колючая щетина царапает нежную кожу на шеи, подставляю, чтобы не смел прекращать сладостную пытку, от которой тяжелеет внизу живота и появляется эффект бабочек. Отстранился. Всматривается, что-то ища, а потом снова припал к шее. На этот раз по-другому.

Интимно. Порочно. Безумно медленно и нежно. Только нежность была острой, с горчинкой. Другую он не знает и не сможет дать.

Сжигает все мысли в адском пламени, оставляя нас... обнаженных телом и разумом.

Движение вниз. Ему нравится ласкать мою грудь, но помнит, что я к ней равнодушна, поэтому не задерживается долго. Руки мнут каждый доступный участок кожи. До легкой боли, не переходя грань.

Напротив живота. Смотрит, словно хочет просканировать его. Добраться до... новой жизни и увидеть её.

Смотрю на него. Брови сведены. Наклоняется и обдаёт горячим потоком воздуха, кожа покрывается мурашками. А потом целует. Каждым миллиметром. Отстраняется. Пронзает своей зеленью, гипнотизируя.

- Ещё одно замечание и будет дополнительная работа. Ты не на курорте, чтобы летать в облаках, - жёстко приземляет Хиджра, неженским голосом, слегка потрепав меня за плечо. Щетка упала на пол, оставляя черные брызги на белом с рисунком кафеле.

Быстро моргаю, пытаюсь вернуться в реальность.

Медленно, очень медленно сегодня идет работа. Сил нет совсем. Пальцы не слушаются. А возразить не могу.

Хиджра ушла на свое рабочее место, перед этим еще раз поторопив.

Как бы я не старалась, но моя привычная работа давалась с тяжким трудом. И не удивительно, что в конце дня у меня появился бонус, в виде мытья полов в коридоре.

Вечер. Около восьми.

Поднялась на нужный этаж. В коридоре пусто. Яркое освещение даёт возможность рассмотреть малейшую деталь интерьера. Красиво. Минималистично, но на мой взгляд слишком много золотых деталей: окантовка рамок на картинах, узоры на вазонах, на потолке. Если было бы больше времени, можно долго разглядывать этот удивительный потолок. Ручная работа. Кропотливая и ... очень долгая. Это не просто узор, здесь нечто больше заложено.

Цветы вдоль всего коридора. Нет чувства загруженности, вазоны стоят на достаточном расстоянии друг от друга. Между большими растениями, висят картины.

Прохожу дальше, не задерживаясь на картинах. По правую сторону двери. Я насчитала три. В конце холл. Большие окна, практически до пола. Маленький столик рядом с диваном и двумя креслами.

А за окном...

Сад. Тот самый, на который я любовалась, вспоминая маму и её любовь к цветам.

Перед окнами дворик с беседками.

Нет больше времени, но ноги не сдвинуть, словно приклеенные.

Дыхание перехватывает, насколько огромная территория у отца Имана. На секунду почувствовала дуновение ветра, а с ним и цветочный запах цветов, что растут в саду. Сладкий привкус осел на кончике языка.

- Мам? Я правильно делаю?

- Да, дочь. У тебя хорошо получается.

Не могу отнести себя к земледельцам, но иногда тянет к земле.

Как сейчас, например.

Пока есть огонь желание облагородить клумбу, мама взяла "быка за рога", как она выражается после моих порывов, и объяснив, что нужно оставлять, а что нужно выпалывать, села с Евой на кресло-качалку.

Еве полгода. Круглое личико, с длинными ресницами, с голубыми глазками и с двумя нижними зубками, смотрит на этот мир искренней улыбкой. Такая улыбка бывает только у ребенка. Улыбаюсь в ответ, забывая о клумбе, о сорняках.

- Дочь, что так быстро? - улыбается мама, намекая на то, что мой энтузиазм быстро пролетел, причём мимо меня, а тот порыв был просто дуновением в мою сторону. Хихикает, что-то шепча на ушко Еве. А дочь-предательница смеётся своим задорным смехом.

- Вы меня отвлекаете, - нахожусь сразу же с ответом.

Как можно что-то делать, когда тело жаждет ворваться в ту идиллию, которая сейчас между бабушкой и внучкой.

Так и стаю, подбородок на руке, а рука на лопате.

- Мам-мам-мам, - Ева только-только начала говорить своё первое слово. А так постоянно щебечет на своём тарабарском. Кудрявые волосики упали на лоб, закрывая небесно-голубые глаза, когда дочь тянет ко мне ручки.

- Мам, вы идете погуляйте, а то я так точно даже не приступлю к клумбе. Да и энтузиазм бежит уже от меня. А ты знаешь, что я не бегун и догнать не смогу, - смеюсь.

Ева подхватывает. Заразительный смех у неё, явно, достался от бабушки.

Наступаю на каменный широкий заборчик, который украшает нашу округлую форму клумбы, чтобы поцеловать Еву и маму, как сквозь плотный туман, заволакивающий разум, доносится голос.

Сначала еле слышно, но, когда рассеивается воспоминание, голос требовательный и недовольный.

- Что здесь происходит? За что тебе платят зарплату? - разворачиваюсь, смахивая последние влажные крупинки прошлого с глаз.

- Простите, я ... - ничего не могу придумать. А женщина с каждой секундой становится мрачнее. Злость и раздражение не только видно на лице, но и чувствуется на ментальном уровне.

- Кто ты? Я тебя прежде здесь не видела, - голос стал мягче, но недовольство и раздражение скрыть не получилось, или не хотела этого делать.

- Посудомойка, - опускаю голову.

- Тогда, что ты здесь делаешь?

- Дополнительная работа, - я помню, что нужно в конце говорить "госпожа", но я не могу выговорить, язык не шевелится. Зачем такое унижение им нужно? Неужели настолько комплекс неполноценности не дает жить, что нужно требовать определённого обращения к себе.

- Как тебя зовут?

- Надя, - ошибка. Не успела соврать.

- Не удивлена, - едкий укол упрёка, чтобы задеть. - Я о тебе наслышана, - подходит ближе. Останавливается. - Подними голову, - требовательно, без возражений. - Яблоко от яблони далеко не падает, так у вас говорят? - засматриваюсь. Женщина красива. Темные раскосые глаза, густые брови, пушистые ресницы, тонкие губы. Морщины, которые женщина умело пытается скрывать. Она выше меня, приходится задрать слегка голову, чтобы смотреть прямо в глаза.

- Я не понимаю о чем вы.

- Это не важно, - неприязнь сочится от всего тела женщины. Становится некомфортно стоять. Не решаюсь говорить, чувство самосохранения даёт о себе знать, когда опасность рядом. Эта женщина не Закира. Она опаснее. Внутри острыми иглами впивается беспокойство.

Намертво. Взгляд острый, препарирующий. Хочет добраться до самого нутра. Колкий взгляд кусает, словно лютый холод соприкасается к голым участком тела, заставляя нервные окончания подрагивать от дискомфорта.

- У тебя двадцать минут, чтобы здесь прибраться, - уходит, клацая каблуками. Миф, что жители этой страны любят плоскую обувь. Каблуками здесь не пренебрегают, как я раньше думала, исходя из фильмов.

Быстро сделав, что было поручено, я убирала инвентарь в кладовку в одной из комнат на этаже. Здесь на каждом этаже имеется свой инвентарь и своё помещение для него. Это удобно. Сокращает время.

Закрывая дверь, направляюсь к лестнице, но не успеваю сделать и пару шагов, как навстречу идёт женщина, а за ней девушка. Каждая с гордо поднятой головой. Только первая высокомерно, а девушка за ней с безразличным ко всего взглядом.

- Будешь нам прислуживать. Ты ведь отдохнула уже, - проходит мимо. - В этом доме КАЖДАЯ работа оплачивается зарплатой или ... куском хлеба, ненавижу бездельников, - почему такие люди не захлебываются в собственном яде? Волна ненависти окутывает с ног до головы свои жаром, заставляя кровь бешено бежать по телу.

<<Я только себя этим наврежу>>- успокаиваю себя, повторяя раз за разом, как мантру.

Присаживаются в кресла. Осанка как у королев, нога на ногу. Молодая девушка не здесь, где-то в своих мыслях. Смотрит на все равнодушно.

- Принеси нам чайный сервис с моим любимым чаем и к чаю что-нибудь.

- Хорошо, - разворачиваюсь, чтобы уйти, но уверенный властный тон заставляет остановиться.

- А ты не хочешь спросить какой у меня любимый чай и любимый сервис? - насмешка забралась в уголки губ.

- Я думаю, что это всё знают на кухне.

Бровь слегка взмывается вверх, не ожидала, что открою рот.

- Что ж, иди.

- Талия, дочка, не переживай. Иногда мужчины совершают безрассудные поступки, но всегда, запомни, всегда остаются со своими жёнами, - доносится тихий наставнический голос женщины. Она что-то ещё говорит, но я уже не слышу.

На кухне, действительно, есть любимый сервис для жены Амира - Самиры. Пока помощницы повара делают чай, я присела на стул возле окна. Перевожу взгляд с ярко-зеленых листьев на раковину с полной горой посуды. Ещё рядом стоят несколько кастрюль. Ночь будет полностью в моей власти сегодня.

- Надя, ты что не слышишь? Уже третий раз зову. Давай, иди, нельзя заставлять госпожу ждать.

Беру поднос с сервизом и выпечкой и направляюсь к лестнице.

Запах чая вызывает рвотные позывы. Мелисса. Ненавижу мелиссу. Такой насыщенный запах, что приходится задерживать дыхание.

Уже в коридоре, слышатся всхлипы девушки Талии.

- Поплачь, дочка, поплачь. Легче станет. Но мужу не показывай никогда своей реакции. Займись собой, чтобы Вахид снова тобой заинтересовался, как раньше. Я ведь помню, как он на тебя смотрел в начале замужества. А на эту дрянью русскую, - захожу в холл. Увидев меня, девушка вытирает салфеткой лицо, - он скоро забудет. Для наших мужей они туалет, в который ходят исправлять свою нужду, - продолжает, кинув на меня всего лишь взгляд, от которого колющие мурашки пробежали по всему телу, - в каком-то смысле даже мне жаль их, наши мужья сбрасывают напряжения, весь негатив, а после идут в наше ложе, даря всё ласку и любовь только нам - СВОИМ супругам, - уверенно. Она действительно верит в то, что говорит.

Это её правда, с которой она живёт всю свою жизнь, а теперь внушает этой девушке, которая противится многолетним устоям.

Отворачиваюсь, когда начинают пить маленькими глотками чай. Сразу на языке вкус Melissa ощущаю. Задерживаю дыхание.

- Он давно меня не посещает... - совсем тихо, еле слышно. Анель стала чаще отсутствовать в комнате, видимо, Вахид серьёзно заинтересовался Анель.

- Значит, сама виновата, - поворачивает голову в мою сторону, - отойди, я позову, если понадобится.

Отошла к дальней стене.

- Какой мужчина захочет вечно недовольную жену?

Женщина должна излучать свет, в виде ласки, нежности и тепла. А на твоём лице одна скорбь да тоска, Талия, - она её так утешает или пытается тыркнуть в несправедливое дерьмо этого менталитета?

Последнее, что я услышала - это новый всхлип отчаяния.

Не боли, а именно отчаяния, потому что девушке ничего другого не остается, как принять тот факт, что муж изменяет, практически не скрывая этого, раз даже свекровь знает уже.

Всхлипыв больше слышно не было, только еле переговариваемый шепот. Разговор я не стремилась услышать, стояла возле стены, как было велено.

Много думала о Анель. Можно ли нас назвать подругами, если учесть при каких обстоятельствах мы познакомились? Наверное, да. Я прикипела к девушке. Отзывчивая, добродушная, искренняя, с иногда острым прямолинейным язычком, который она постоянно прикусывает, чтобы не нарваться на неприятности, с большими бездонными глазами и милой улыбкой.

Мы, действительно, с ней очень сдружились. Наши разговоры были душевными, открытыми. Каждый раз мы открывали частичку души перед друг другом, делясь своей болью, радостью, когда вспоминали моменты из жизни.

Анель втянули в любовную драму, как при сценарии в дешевом фильме: жена-муж-любовница.

И сейчас услышав несколько гнусных реплик, тело горит от желания подойти и сказать, что мир не крутится вокруг ваших мужей, а ответственность, которую вы всегда перекладываете на девушек с кем вам изменяют полностью на плечах ваших же мужчин, которых вы ТАК благотворите.

Только что толку от моих пламенных речей? В пустоту скажу, такую сторону правды и действительности они даже не рассматривают. Не могут или не хотят видеть.

А мне остаётся только сжимать кулаки и глубоко дышать, чтобы усмирить образовавшуюся эмоциональную бурю.

Вспоминаю наш разговор, как всегда поздней ночью, когда глаза закрываются, а хочется переговорить, поделиться мыслями, чувствами.

- Как таким можно отказать, Надя? - голос встревожен.

- Не все могут принять нет. А мужчинам сложнее, у некоторых просыпается хищник внутри, поэтому однозначно ответить невозможно ба вопрос.

- Повезёт, если это адекватный мужик, но здесь... Надя, проработав несколько месяцев в этом месте, я слышала, что бывает, когда девушка отказывает мужчине. Бедных девушек насиловали, подставляли... У меня волосы встали дыбом, когда я всё это слушала... подставляли ...из-за отказа. Ради мести, представляешь? - слишком эмоционально. Для Анель это было диким. Еле сдерживая слезы, она рассказала как началось знакомство с Вахидом, как он уделял знаки внимания, как она пыталась сопротивляться первое время, но страх быть изувеченной в лучшем случае, а в худшем быть убитой, сподвиг на тот путь, на котором сейчас Анель пытается сбалансированно идти, не спотыкаясь о камни-иллюзии, которые сама себе и создаёт.

Она легка в общении, открыта. Всегда поможет, поддержит. Не полезет в душу, хотя это спорный вопрос, потому что Анель бывает прямолинейной, задавая бестактные вопросы, но с таким невинным взглядом, будто о погоде спрашивает.

С ней мне не страшно поделиться своими мыслями и переживания, поговорить о смешанных чувствах к Иману. Единственное, что меня останавливает от полной правды, которую с каждым разом все труднее сдерживать, это то, что девушка может быть подослана.

От одной мысли в груди больно кольнуло. Боюсь... что это кажется правдой.

Говорят - мысли материальны, поэтому пытаюсь изгнать их из разума, чтобы не чувствовать этого опустошения внутри.

Могу ли я так рассуждать? Нет. Есть ли у меня на это право? Нет.

Горько ухмыляюсь своим мыслям.

У Анель выбора тоже особо нет. Я думаю, некоторые лица этого дома знают о семье Анель и могут этой информацией играть против неё.

Наверное, поэтому я не полностью раскрываюсь перед ней. А она чувствует. Смотрит такими глазами, но ничего не спрашивает.

- Надя? - недовольный голос врывается в голову.

Подхожу ближе, обводя быстрым взглядом сидящих. Девушка уже не плачет, но красные опухшие глаза выдают.

- Мы закончили. Приберёшься и можешь возвращаться на своё место, - вставая, произносит женщина.

Глава 8

Закира

Я мечтала выбраться из отчего дома. Всегда. Сколько себя помню. Жаждала получить поток свежего воздуха в дали от этого злосчастного места, где правит ненависть, злоба и презрение.

Все эти стены, с изысканными дорожными картинами, пропитаны удушающим ядом. Невозможно находится. Невозможно дышать. Невозможно жить.

Я хотела для себя другой жизни. Лучшей, чем у моих родителей. Хотела почувствовать щемящее душу чувство, которое именуется таким словом, как любовь.

Хотела элементарного - ощутить тепло, заботу и знать, что я нужна.

Разве многого просила?

Не думаю.

Мечтала получить простого человеческого счастья, а в итоге стала той, которой поклялась в порыве гнева не становится такой же озлобленной, стервозной, ненавидящей всё и вся, женщиной - моей матерью.

В детстве можно по пальцам одной руки посчитать, когда мама дарила своё тепло. Свою заботу. Свою любовь. Детский мозг не понимает почему любимая мама относится холодно к своему ребенку. Постоянно я как-то требовала внимания, а взамен получала хмурые взгляды и нелепые слова, которые начали зарожать зернышко ничтожности, слабости и покинутости в детской душе.

Это больно, когда приходит понимая ненужности. Ни один ребёнок не готов к такой реальности. И я не была готова.

Как любая девочка мечтала о любящем муже, что будет меня оберегать и ценить. Я мечтала о семье: дружной и большой. И единственное, что так яро желала - это побыстрее выйти замуж за мужчину, в которого невозможно не влюбиться. Сильный. Властный. Мужественный. Деловой. Красивый. Высокий. Иман ибн Сахим.

До него был кандидат, но его не видела, только знала, что настроен он серьёзно и пойдёт на всё, чтобы я стала его женой, так говорила мама, после того как стало известно, что породниться хочет уважаемый человек города. И отец решил, что брак с Иманом будет выгоднее.

Пришлось принять выбор отца, но я не расстраивалась. Наоборот, обрадовалась, потому что слова матери вызвали противоречивые чувства. Неизвестный мужчина заинтересовал и испугал одновременно.

Когда украдкой подсмотрела за своим будущим мужем, прибывшему к отцу, я только мысленно поблагодарила его за то, что хочет лучшего для своей дочери.

Сердце замирало на несколько долгих секунд, когда широкоплечий мужчина в черном костюме идёт по коридору уверенной походной. Коленки дрожали от энергии этого мужчины. Подавляющая, властная, для меня желанная.

Мой господин приходил ещё несколько раз, в один из таких раз я смогла еще раз полюбоваться на своего мужа. Но во второй раз я была замечена матерью.

- Это не позволительно, так себя вести, Закира. Ты же не грязная дворовая девка, которая что и может как слюнявить пол, мечтая о каком-то мужчине...

- Он не какой-то. Он мой будущий муж, мама, - щеки пылают от стыда, но обидные слова заставляют обороняться.

- Не смей позорить нас с отцом! Быстро ушла, пока он тебя не увидел.

Жгучие влажные дорожки вытирала тыльной стороной ладони, пока быстрым шагом добиралась до комнаты.

Не ужели я действительно совершила нечто ужасное, что меня можно назвать грязной дворовой девкой?

Меня воспитывали в строгости и такое поведение недостойное для девушки высшего круга. Если отец узнает меня ждёт наказание. Родитель слишком вспыльчив, чтобы даже выслушать своего собеседника.

Но мне так хотелось увидеть своего мужчину, с кем я буду связана на всё жизнь. Знать, кому буду вручена. Узнать его хоть издалека.

Иногда я ненавидела то место, где я родилась. Наши законы и порядки мне были близки. Я видела мамины слёзы из-за отца. Я видела несправедливость. Не хотела для себя такой жизни. И первое время я возмущалась на занятиях, но мой бунтарской запал быстро снесло одним только ледяным взглядом отца. Пришлось принять и смириться...

☆☆☆

Мои дни летели, словно секундная стрелка на настенных часах. Грезил каждую ночь о нашей жизни. Уверяла себя, что моя жизнь будет другой. Что я буду счастлива в браке. Что я не повторю судьбу своих родителей.

Не хочу жить в холодной клетке, где улыбка только при торжественном мероприятии.

Перед свадьбой состоялся семейный ужин, где жених и невеста были официально друг другу представлены.

Сладкая дрожь в теле от предстоящей желанной встречи. Адреналин гуляет по всему телу, делая движения быстрыми и со стороны кажущимися неуклюжими.

Кроткие взгляды за столом. Аппетита не было. Внутри пустота.

Ощущение такое, что ещё чуть-чуть и взлечу.

Чувствовала на себе взгляд своего будущего мужа. В эти моменты меня бросала в жар. Адский жар, который медленно поглощал тело.

Как же мне хотелось смотреть в ответ. Не боясь. Смотреть в глаза своему мужчине, но...

По нашим законам это грех. Позор семьи, что воспитали падшую женщину, которая осмеливается смотреть на чужого мужчину, это во-первых. А во-вторых, без его позволения.

И только благодаря Аллаху отец не увидел этого позора.

В первый раз в жизни я почувствовала, что такое желание тело. Когда оно жаждет оказаться под властью мужчины. От этих постыдных мыслей, щеки начали гореть диким огнём. Мужчина бросил мимолетный взгляд во время разговора с отцом, и кажется, понял о чем я думаю.

Не могу себя дальше позорить. Хочу убежать и мирно ждать своего дня, когда я обрету семейного счастья с этим невероятным мужчиной.

- Ты слишком идеализируешь его, Закира, - тем же вечером услышала холодный голос матери, словно колкий снег на оголенные участки тела.

Не хотела ссориться с ней, поэтому промолчав, ушла.

Не ужели она не может хоть раз порадоваться за свою дочь. Не может видеть, как горят мои глаза от предстоящей свадьбы, что надо их тут же потушить своей стужей, оставляя иней в душе после своего присутствия.

Странно, что она вообще произнесла это. Мы с ней никогда не разговаривали о свадьбе, о моём будущем муже, о каких-либо возникших проблемах. Ставили перед фактом, не спрашивая о моём мнении, о моих желаниях.

Так было всегда, после каждого диалога я летела вниз со своих розовых гор, больно ударяясь об острые скалы реальности.

После первой брачной ночи, поняла, что мама была права.

Глотая удушающие слезы, я остервенело стирала эту влажную слабость. Как же я ненавидела себя в этот момент.

Какая же я дура, что позволила себе мечтать. Что позволила себе допустить мысль, что могу быть счастливой. Что заслуживаю это счастье.

На смену ненависти к себе пришла ненависть к отцу.

Он в первую очередь заботился об увеличенной казне. Только и всего.

А я? А как же я?

Помню женщин, которые зашли сразу же как мой новоиспеченный муж покинул покои. Помню взгляды, но всё как в тумане. Я была морально закопана. Не убита, потому что физическая оболочка дышит, ест, пьёт, одним словом - живёт, но душа ... Она заморожена, погребена от боли и страданий. От этой жизни, которую она не хочет принимать.

Я старалась быть прилежной и послушной женой. Старалась отдавать всю себя своему господину. И он отвечал мне, когда возвращался с пустыни. Но этих крох мне было мало. Я хотела большего. Хотела всего ЕГО. Тела, душу, его мысли. ВСЕГО.

Со временем узнала о завещании. Первенец. Была уверена, что ребёнок дать то, что так жаждет моя душа. Что он спасёт нас. Врачи, шарлатаны, ведуньи... на все была готова.

Даже старалась не обращать внимание на холодный тон матери в своих мыслях. Её слова были такие жгучие, что до сих пор в груди печёт, словно серную кислоту подливают по капле.

Она винит меня, что отец завел себе ещё четверых жён. Что после меня она потеряла былую красоту.

- Я была первой! Я бы ей и осталась, но он требовал ребёнка... не хотела я детей... Потом появилась одна жена, затем следующая... Если бы не ты, Закира, я бы была одна.

Стояла, смотрела на женщину, которая подарила мне жизнь.

Вспоминаю это, а в сердце словно клинком бьют наотмашь. Словно было вчера это. До сих пор страдаю от её слов.

Но с Иманом я знала, что никогда не буду единственной. Тяжело было в первое время, да и сейчас не легче, поэтому родив ему первенца я бы возвысилась в его глазах. Уверена была в этом. Пока...

Пока он не привёл эту подстилку в наш дом. Нунна. Как он её называл. Злость съедала меня, зная, что он с ней. Что он предпочитает её, вместо меня. Свою законную жену.

Моя комната превратилась в нечто. Битые вазы, испорченная одежда, но как бы не пыталась вымести злость ... ничего не спасало от чувства униженности, ничтожности и ... зависти.

Они меня медленно резали. По кусочку, не оставляя живого места в моей и так израненной душе.

Чем я хуже? Что в ней такого, чего нет у меня? Чувства к Иману отошли на второй план.

Я умирала, а никому дело не было до меня.

Ярость и зависть поглотили меня. Не смогла ни есть, ни спать, зная, что она получает то, что должна получать я. Что по праву моё. По закону.

Под действием эмоций я совершила самый опасный грех.

Предала своего господина.

С его верным человеком. С Камалем.

Видела его взгляды. Чувствовала в них нечто большее, чем просто интерес. После появления этой шлюхи он перешёл к активным действиям.

Не смогла. Сил не хватило остановить это безумие.

Всегда мечтала получить тепло и заботу. Но после содеянного получила только снежную лавину стыда и вины. Всё эйфорию смело этой убийственной стихией.

Почувствовав один раз должное внимание к женщине, которое должно было идти от моего мужа, я не смогла отказаться от и так нечастых встреч.

Значит, мама тогда ещё увидела моё нутро. Я, действительно, падшая женщина.

☆☆☆

После известия о том, что Иман идет в песке со своей шлюхой, я пожелала только одного - чтобы её поглотили эти самые пески, а Иман хотя бы почувствовал сотую долю того, что у меня внутри.

Всё оказалось куда хуже, чем я могла себе представить.

Вернулась она. Целая и невредимая.

А мой муж в плену.

Как так?

За шлюхой моего мужа следят. Мне всё докладывают.

Сколько бы я не издевалась, сколько ты не видела изможденного лица и истощенного организма, мне легче не становилось. Весь яд, вся злоба и ненависть во мне. Не отходят от меня, словно родными сестрами стали.

- Её тошнит, - сидя в саду и слушая журчание воды в фонтане, до меня донесся смысл слов.

Бокал с водой падает из рук.

- Она и это у меня забрала.

- Что простите?

- Она догадывается, что это ты на неё доносишь? - кривится от последнего слова, но мне плевать.

- Думаю, да. Она осторожна в словах всегда.

- Уходи.

Не могу позволить, чтобы какая-то шлюха меня опозорила, вынашивая выродка.

Моя жизнь и так в грязи, не могу допустить, чтобы меня окунула в дерьмо какая-то дворовая подстилка.

Уничтожу.

Глава 9

Прошёл месяц

То, чего я так боялась произошло. Беременна. Теплилась надежда, что это сбой организма. Хотела этого. Просила у Бога. Но...

Кладу руку на плоский живот. Ничего не чувствую, кроме сожаления.

Ни радости, ни ненависти. Ничего.

Только сожаление, что этот ребенок дан был не тем людям.

Я думала на счёт второго ребёночка, даже если не сложится с личной жизнью. Но не здесь... не в этой ситуации... Тем более отец араб. У них по закону дети остаются с отцом. Что за кощунство отнимать дитя от матери?

Я не ценю то, что меня дано с выше. Не ценю эту беременность, этого ребёнка. А если вспомнить то, что делала для выкидыша, так удушить себя хочется.

Противно от себя.

Ненавижу.

Специально поднимала тяжести, чтобы вызвать выкидыш. Специально в комнате сказала с койки на пол. А ничего не происходило. Позже, когда поняла, что ребенок хорошо закрепился, рыдала в ванной, от мыслей и от своих действий. Ужаснулась, как я могла собственноручно убить своё дитя?

Как дошла до этого?

До чего докатилась моя жизнь?

Мама, я стала чудовище. Хотела убить ребёнка. Своего. У которого уже бьётся сердце. Которой уже все чувствует.

Ненавижу себя за это. Никогда не прощу.

<<Я сама его вырежу>>- мерзкий голос Закиры врывается в сознание. Не хочу, чтобы он страдал, чтобы ему больно было. Хотела поступить гуманнее, как бы кошмарно это не казалась. Но страх подстегивает на крайние меры.

Виски сжимаются, тупая боль отвлекает.

Вот бы провалиться в спасающую темноту, от раздирающих душу мыслей, от усталости, от этой ... жизни, а сон, как назло, не шёл. На часах двадцать два тридцать.

Вечером у меня пошла носом кровь и Сама Аль отпустила пораньше. Получай, Надя, отдых, да нет же, будешь себя дальше разбирать на маленькие окровавленные кусочки.

Словно мазохистка.

Возможно. Но мне так легче. После такого <<психоанализа>>, становится на душе легче. После всех выплаканных слёз моё душевное состояние улучшается, а на следующее утро появляется сила идти дальше.

Закира больше не радовала своим присутствием. Но от этого только страшнее становилось.

Что будет, когда она узнает о беременности? Страх колючей проволокой обвивает ослабшее тело, словно лиана.

Беру висевший на шеи крестик напряженными пальцами. Всматриваюсь в него.

- Знаете... иногда я не знаю, где брать силы, чтобы элементарно подняться с утра... Сама Аль зашла спустя некоторое время, когда я уже лежала в постели. Села на стул рядом с кроватью.

- Ты сильная. Справишься, - голос мягкий, уверенный.

- Я не хочу ожесточаться, а здесь...- предательская дрожь в голосе раздражает. Не хочу плакать, но от Самиды Аль идёт тепло, которое в состоянии залечить прорехи в душе. Я, как слепой котёнок ищу тепло и поддержку... понимание.

- Нет, Надя. Ты станешь сильной, уверенной в себе женщиной, точно знающей, что тебе нужно по жизни.

- Если выживу.

-Выживешь. Верь и молись, Надя, всевышний услышит и одарит тебя за терпение и муки, которые ты вынесла. Главное, не сломаться.

-А если сломаюсь?

Под простынку кладу руку на место, где развивается новая жизнь и понимаю, что всему есть предел, особенно страданиям.

Если бы узнать, когда будет финиш.

- Ты. Нет. Не сломаешься, - смотрит прямо в глаза.

Она словно знает кто меня держит. Кто мой лучик света. Моя Ева. Мои родители. Если бы не они, продержалась бы я так долго? Иногда я не знала, где взять силы, чтобы идти на эту чёртову кухню, мыть эти чёртовы тяжелые грязные кастрюли и сковороды, ползти после рабочего дня в эту чёртову маленькую кладовку, где нет отдыха даже здесь... от мыслей.

Переворачиваюсь на бок, в сторону пустующей кровати. Анель. Она уехала. А если быть точнее Вахид забрал ценного сотрудника к себе во дворец. Проблем с этим не было, договор всего лишь лист бумаги, который можно переписать, изменить.

Помню тот день.

Зашла в комнату. Анель сидит на кровати. Глаза печальные, смотрит. Тревожно становится. Сажусь рядом и обнимаю. Иногда слова излишни.

- Он забирает меня к себе во дворец, - оглушает меня, словно кувалдой по голове.

- Анель, я не знаю даже, что сказать, - сжимаю её руки в своих. Глотая слёзы, всматриваюсь в лицо девушки, которую я полюбила всей душой, как сестру. Она стала за это время близким человеком. И хотя я не все ей рассказала, но уверена, Анель бы поняла мои опасения и держала обиду.

- Когда мы теперь с тобой увидимся? - горькая улыбка, как стрела в легкое. Трудно дышать.

- Обязательно увидимся, Анель. Обязательно, - голос дрожит.

- Ты мне стала очень близкой, - обнимает. Утыкаясь в изгиб шеи.

- Ты мне тоже. Как сестра, - плачу. Обнимаю сильнее.

- Надя, пожалуйста, береги себя здесь. Хотя это сложно сделать, но ради малыша. Я знаю, что ты пыталась, - посыпает ядовитую соль на не успевшую зажить рану. Она знает, поняла, когда я сказала, что протирала настенные часы от пыли. Так себе оправдание, но только это пришло мне в голову. - Если он дан вам, то знает так надо. Я уверена Закира ничего не сделает. Она та, конечно, ещё сука, но ребенка... не тронет, - пытается говорить уверенно, но мы обе знаем, что в порыве гнева человек действует эмоциями. А у Закиры с этим проблемы.

- Я приняла его, но ничего не чувствую. От этого еще страшней становится. Так ведь не должно быть...

- Надя, у нас ситуация нестандартная, это во-первых. А во-вторых, как только будет безопасность и мысли уже не будут о выживание, ты почувствуешь его. Я уверена, - говорит быстро, возбуждено.

- Я люблю тебя, Анель. Без твоей поддержки, даже не знаю, чтобы я делала, - прижимаю к себе. Обнимаю, что есть силы.

- Задушишь, - хрипя, но слышу смех.

- Получается это последняя ночь, когда мы вместе?

- Да, - улыбка слетает с лица Анель.

-Анель, я не имею права давать тебе советы, потому что сама влипла в болото, но... не потеряй себя в нём. Не раствори без остатка. Они этого не ценят, - отстраняюсь от неё. Забираюсь на кровать. - Глупо, да?

- Нет, Надя. В отличие от меня, ты верна себе и прежде всего ставишь себя на первое место, поэтому нет. Не глупо. У тебя есть чему поучиться, - смеётся.

Ее смех заразителен. Приятный. Так всегда. Стоит ей только начать смеяться, я тоже начинаю, хотя даже ещё не знаю причину.

- Я очень рада, что мы встретились. Только жаль, что именно в такой обстановке, - обвожу взглядом комнатушку.

- Знаешь, моя мама говорила, что люди просто так не встречаются на пути. Всё для чего-то дано нам.

- Ты очень светлая, Анель. Открытая и я надею...

- Стоп-стоп-стоп. Надя, мы не прощаемся, мы говорим <<пока>>. Это разные вещи, - улыбаюсь.

- Видимо, уже начинает беременность влиять, - улыбаюсь и вытираю слезы.

- Мы увидимся, - киваю. Но уже пытаюсь сдержаться от новых потоков слёз.

В ту ночь мы разговаривали до глубокой ночи.

☆☆☆

После того случая в ванне, когда скуля вымаливала прощение у своего ребенка, я приняла решение. Буду молиться. Никогда я не была слишком верующей. Да, крестик носила, раз в год церковь исправно посещала, но никогда не молилась. Крестная говорила, что человек сам должен дойти до этой стадии, чтобы начать разговаривать с Богом через молитвы.

Видимо, я дошла как раз до такой стадии, что приняла такое решение. И ... мне стало чуточку легче.

Никогда так не верила в Бога, как здесь - в исламском государстве. Молилась каждое утро и перед сном. Это стало моим ритуалом.

Просила у Бога за малыша, чтобы родился здоровым и мне хватило сил его выносить. Он решил появиться в самый тяжелый период жизни.

Просила у Бога за Имана, чтобы поскорее вернулся. А то, что он жив, в этом я больше ни секунды не сомневалась.

Просила у Бога за Еву. Доченька моя. Если бы кто-то знал как меня рвет изнутри от простого упоминание о ней. Мне хочется волосы рвать на себе от этой боли внутри грудины. И никакая грязная работа на кухне не способна унять её.

Просила у Бога за родителей, чтобы хватило им сил и терпения.

Как бы мне не хотелось спать и как бы сильно я не уставала, как заходила в комнату встала возле окна и просила прощение у ребеночка, что живет во мне, за то, что пыталась лишить его жизни.

Уснуть получилось глубокой ночью с болью в голове.

На следующий день встать получилось со второй попытке. Как итог, опоздание.

- Надя, давай садись. Время обеда, не трать его на эти кастрюли, - позвала Хаят, убирающая господские и гостевые апартаменты.

Обед проходит в непринужденной беседе, пока на кухню не заходит Лайан и Мавия. Садятся вдвоем, на небольшом расстоянии от нас. Мавия начинает что-то рассказывать, хмуря при этом брови, а Лайан уткнувшись в тарелку перебирает вилкой гарнир.

За последний месяц наше общение практически сошло на нет.

Несколько недель назад Лайан пришла ко мне на кухню. Молча села на стул и смотрела как я заканчиваю уборку. Я с девушкой поздоровалась и спросила как дела, на что получила ответ <<нормально>>, спрашивать что-либо ещё не решилась, вспомнив разговор с Самидой Аль. Как и говорила её матери, я не прогоняла девушку, но сама уже лезла. Лайан все также

молчала, может ждала от меня вопроса, но я не решилась. Может быть ее мать права и мне действительно стоит сократить общение. Не хочу чтобы их семья пострадала из-за меня. Они остались только друг у друга, никого больше нет. А если одна пострадает, то и другая следом пойдёт по цепочки.

Моих грехов и так хватит на целую жизнь, не хочу прибавлять этот список.

В тот вечер Лайан ушла, пожелав спокойной ночи. После уже не было попыток со мной заговорить, только приветствия остались между нами.

Я теперь понимаю почему Самада Аль так переживала на счёт дочери. Она слишком наивна. Я надеюсь ей хватит благоразумия не сближаться с Мавией. Она не тот человек, с которым стоит завязывать крепкие дружеские отношения.

День закончился, как и все предыдущие молитвой, ванной, глубоким сном, как ни странно.

Глава 10

Следующий день был, как и все предыдущие.

Ближе к вечеру, когда время близилось к ужину мне показалось очень странным поведение Мавии. Она была взвинчена, напряжена и совсем не обращала внимание на происходящие вокруг события, делая все на автомате.

Заходила несколько раз на кухню, в последний раз даже никак не отреагировала на замечание Хиджры, молча кивнула и вышла.

На душе стало тревожно. Такое чувство противное, как будто кто-то внутри все переворачивает и топчется еще при этом.

-Надь, ты больше не будешь? - спрашивает Хаят неловко, приблизившись слишком близко, чтобы никто не слышал.

- Appetit пропал, - отстраняю от себя практически нетронутое второе блюдо.

-А можно? - девушка смущается, опустив веер ресниц. У Хаят необычная красота. Акцент идет больше на чёрные глаза и пушистые ресницы. А еще на миниатюрную родинку в правом углу рта.

- Можно, - подвигаю тарелку и девушка берет нетронутое мясо под кисло-сладким соусом. Она его обожает. Это знают чутли не хозяева этого великолепного дворца.

Плела в комнату я не спеша. Ещё посидела на лавочки под раскидистым деревом, слушая как легкий ветерок гуляет между листьев. Голова пустая, мыслей нет.

После того как сходила в душ и помолилась, глядя на звёзды, Морфей долго не издевался надо мной, быстро унёс от реальности в спасательную темноту.

☆☆☆

-А-а-а-а, - чем-то крик вырывает из сна. Срываюсь с кровати и бегу на крик. - А-а-а, - не так громко уже.

Ступеньки. Коридор. Здесь, если не ошибаюсь пустые помещение, какие-то комнаты, коридор был маленьким переходом в другое сооружение.

Сердце колотится, дыхание спирает, никогда не любила бег. А адреналин от страха заставляет ускориться, но мозг упорно кричит: <<Стой, Надя. Остановись. Для тебя будет лучше, если узнаешь после>>.

- Бедная... Почему она так кричит? - Хаят с Сулой выбегают из поворота и начинают без умолку тараторить. Через пару секунд крик прекратился. После такого раздирающего крика, пробирающегося в самые глубины сознание, настало мертвая тишина. Оглушающая тишина, а потом голоса девушек.

Заходим в комнату. Столпились девушки, чьи комнаты ближе наших. Нам не видно, что там. Замираю и смотрю на спины, что закрывают тело убитой.

Ноги трясутся. Боюсь увидеть Лайан. Ком в горле не даёт сделать вдоха.

- Ох, Аллах-Аллах. За что? А главное кто?

- Бедная девочка...

- Никто не заслуживает такой смерти... чтобы она не сделала.

Со всех сторон шум и гул встревоженных девушек.

Стою возле у входа, прислонившись к стене.

- Что произошло? Кто так кричал? - забегают в комнату Лайан, а я смотрю на неё широко распахнутыми глазами и не могу поверить, что она передо мной. Как будто камень с души падает.

- Господи спасибо, спасибо, спасибо...- шепчу. Делаю шаг и крепко обнимаю девушку.

- Ты чего? - не отстраняет, но растеряна поведением. А я только сильнее обнимаю её.

- Я думала это ты, Лайан. Господи, хорошо, что это не ты, - грех так говорить. Знаю. Подумаю потом об этом.

- Надя, что произошло и кто ТАК кричал? - отстраняет от себя и смотрит большими встревоженными от неизвестности глазами. - Не плач, я жива. Со мной все хорошо, я была в другом крыле. У мамы, поэтому так долго бежала.

Не заметила как начала плакать. Облегчение, что с Лайан все хорошо, сорвало плотину напряжения и неизвестности.

Гул не замолкал, девушки причитали, взмахивали руками и постоянно упоминали Аллаха.

- Бедная девочка...

Делаю шаги вперёд. Отстраняю кого-то в сторону.

- Надя, ты не смотрела? Не смотри, значит, - Хаят поворачивается ко мне и преграждает путь. Пытается переубедить. - Не стоит смотреть на этот ужас. Там ...

- Кто-нибудь пошёл за Госпожой и Самидой Аль? - спрашивает кто-то рядом.

Делаю ещё шаг, давая понять, что Хаят не переубедила. Должна увидеть.

На полу лежит полубоком Мавия. Голова наклонена. Кулак сжимает подол платья, а вторая рука на пол пути к лицу, рот приоткрыт в немом крике, глаза открыты в ужасе от боли, которую она успела испытать за тебе крупницы времени пока умирала от болевого шока. Часть лица, что видна изуродована кислотой. Выжжена вплоть на маленького участка кости. Боль адская. Невозможно даже представить на столько. Несколько вещей разбросаны, в агонии она смахивала все близ лежащие поверхности.

Отхожу в сторону и натываюсь на мертвенно-белую Лайан. Стоим в несколько шагов друг от друга.

- Лайан, пойдём... - зову, протягивая руку, но она никак не реагирует. Смотрит огромными глазищами на ужас, который произошел с Мавией и не может поверить, что она умерла такой жуткой смертью.

Зажимает рот рукой, глаза блестят.

Поднимает взгляд на меня и что-то говорит, шевеля только одними губами. Начинает мотать головой и отступать назад. Хватаю за руку и тяну на себя.

- Пойдём, Лайан.

- Что тут произошло? Почему столько шума? - за спиной строгий с нотками раздражения голос, - женщина за пятьдесят в кружевной ночнушке, по крайней мере видна только верхняя часть везде шеи и часть груди. Поверх надет шелковый бело-молочный узорчатый по краям халат. Подол длинноват и волочится позади женщины.

- Госпожа, убийство.

- Где Самиды Аль? Почему я здесь, а ее ещё нет?

- Здесь я, Госпожа. Здесь. Простите.

- В твоём коллективе убийство произошло.

- Убийство? - твёрдо спрашивает. Нет удивления, нет ужаса. Ничего. Мы стоим в стороне, ближе к стене с коробками. Самиды Аль обводит девушек, находит нас и кивком показывает на дверь.

- Мавию кто-то кислотой облил, - голос помощника повара. Это последнее, что я услышала, выходя из комнаты.

Все дорогу до кухни Лайан молчала, только сидя за столом, попросила воды.

- Лайан, ты ей ничего не рассказывала? - спустя пару минут решаю спросить. - Вы в последнее время сблизилась и ...

- Нет, - говорит тихо и уверенно, глаз не поднимает. Смотрит перед собой на стакан с недопитой водой.

- Хорошо. Потому что...

- Я же сказала, что НЕ ГОВОРИЛА ЕЙ! - резко встала.
- Хорошо, Лайан. Тише... Я тебе верю, - садится обратно на стул. С коридора доносятся еле слышимый разговор девушек.
- Ой, что сейчас будет твориться...
- Да ничего не будут, завтра встанут и как-будто ничего не было, - направляются к нам.
- Я заварю чай успокаивающий, - предлагаю, вставая со стула.
- Нам как раз он сейчас не помешает.
- Нет, я не буду. Лучше пойду, - Лайан быстро уходит. Не слишком зацкливаюсь над этим, каждый по-разному переносит шок от увиденного: кому-то нужно выговорится, кто-то уединяется и ревёт, кто-то замыкается в себе. Очень надеюсь, что Лайан справится с этим.
- Так здесь такое уже было? - ставлю чайник на газ и направляюсь за заварочником. Он за общим столом, где сидят девушки.
- Да, может месяца три-четыре назад. У Господина Амира много родственников: племянники, сыновья друзей нередко бывает, что задерживаются здесь. В последний приезд приехал один принц-племянник Господина. Он-мечта любой девушки...
- Ой, да прям любой. Только на лицо можно клюнуть. А какой он на деле только время покажет, - эмоционально противоречит Хаят.
- Ппффф... Тебе и здесь нужно вставить свой язык, - раздраженно смотрит Изира.
- Я вношу некоторые поправки, чтобы картина была целостной, - Изира поджимает губы. Делает выдох.
- Так вот. Сбила меня! - такие моменты заставляют непроизвольно улыбаться, даже если ситуации не подходящая. Изира с Хаят сёстры. Посмотришь на их перепалки и будто кошка скребёт кровавое нутро, раздирая только-только еле зашившие раны.
- Продолжай, но преувеличивать не стоит. Красота это последнее на что нужно обращать внимание женщине.
- Опять ты... - прикусывает язык. Решаю пока промыть заварочник.
- Я так понимаю его кто-то не поделил? - сажусь обратно за стул.
- Да. Одна другую ножом зарезала.
- Был один удар, - Хаят поправляет сестру.
- Хаят! Сколько можно? Что плохо в том, что я чуть-чуть приукрашу?
- И что было? Разбирались?
- Все обошло нас. Убитую девушку мы не видели, так как ночью это произошло. Да и другую тоже, сказали, что здесь больше не работает.
- Закипел чайник. Делаю по маминому рецепту чай с мятой, чтобы унять взбудораженные нервишки.
- По маминому рецепту, - ставлю перед девушками. Наливаю каждой.
- А вы чего не спите? - резко врывается строгий голос Хиджры. - Завтра поблажек не будет. Обычный день у всех. Имейте это ввиду!
- Выпейте с нами чаю, после случившегося лишним не будет, - Хаят хочет встать.
- Лучше это время потратит на сон. Ещё сбиваться с графика из-за какой-то влюбленной девки.
- Так это была месть жены? - Изира даже привстала со стола.
- Так! - поворачивается к нам, опустив стакан на стол рядом. - Незачем голову забивать всякой ерундой. Сколько таких полуумных еще будет здесь? Нечего заглядывать на чужого мужика было, может и жива была, - это такую теорию они придумали? - Идите спать! Завтра рабочий день как обычно, - выходит.
- Часто? - спрашиваю. Ошарашена от слов, которые только что произнесла Хиджра с таким... возмущением, как будто не убийство произошло, а разбилась любимая чашка Госпожи Самиры, и то наверное, крику и проблем было бы больше.

Делаю глоток настоявшегося чая. Вкусно.

- И не и да, Надя, - отвечает Хаят. - Какой женщине понравится, когда твой муж спит с другими? Никому, нас хоть и воспитывают... так с самого детства, но самолюбие страдает всегда, - у меня такое чувство, как будто Хаят вкладывает в эти слова что-личное, что ее саму задевает, - берёт чай и пьёт маленькими глотками, давая понять, что ответ и так понятен. - Поэтому... не редкость здесь частая смена персонала.

На этой грустной ноте она поворачивает голову к окну, продолжая пить чай. Думаю, Хаят закрутилась в воронку воспоминаний.

Глава 11

Следующие дни ничем не отличались от предыдущих. Как и говорила Хаят на следующий день все делали вид как будто ничего не произошло, особенно заметно по хозяевам - по словам девушек, которые с ними пересекаются и по Хиджре и Самиде Аль. Либо они привыкли к таким картинам, либо знают, что произошло. Но от того, что они знают ничего не изменится, они не смогут рассказать, они не смогут ничего доказать и потребовать наказание убийце. Они здесь никто, хоть и занимают выше должность.

Изменилась Лайан и я убедилась в том, что она что-то успела рассказать Мавии. Девушка стала дёрганной. Подавленной. И постоянно летала в своим мыслях.

Я очень хотела с ней поговорить, но не было возможности. Всегда кто-то был рядом, а после рабочего дня Лайан больше не заходила на кухню. И было такое ощущение, что она не хочет оставаться со мной наедине. А спрашивать у Самиды Аль не стала, потому что доказательств нет, а хуже делать Лайан я не хочу.

Все решил случай. Был уже глубокий вечер.

Лайан была наказана Хиджрой и в качестве наказания всегда идет сверхурочные часы с грязной и тяжелой работой.

- Ты можешь идти, я всё доделаю.

- Вдвоём быстрее справимся. Я помогу.

- Не стоит, я сама справлюсь, - уставшая, вымотанная от своих больше мыслей. - Иди отдыхай, - слегла вымученно улыбается.

- Лайан, что происходит? Ты можешь мне рассказать, - присаживаюсь рядом.

- Мне нечего рассказывать.

- Я же вижу...

- Что ты видишь, Надя? Что? Мавию убили. Кислотой облили. Аллах, что она пережила перед смертью... А все делают вид, что ничего не произошло...

- А что мы можем, Лайан? - на тон выше.

- А Госпожа Фарида знаешь, что ответила? Знаешь? Она сказала: "Получила, что заслуживает. Была бы умной, не влюблялась бы в замужнего мужчину. Никакой гордости". Разве можно убивать за это? - осеклась на последнем слове.

- Лайан, ты слишком наи...- резко замолкаю и прикусываю язык.

- Какая? Почему ты замолчала? Наивная? Глупая? Ребёнок?

- Ты добрая и доверчивая. Не стоит всему верить, что говорят старшие... Лайан, пожалуйста, скажи мне как есть. Ты говорила Мавии о романе Закиры и Камалы? - смотрит. Ответа не требуется, все и так понятно. - Я думаю её убили за это.

Возвращается к работе.

- Зачем? - спрашиваю, потому что не понимаю этого.

- Это вышло случайно...

- Лайан, ты понимаешь, что сделала? - нельзя сыпать соль на голую рану, знаю, но вопросы сами вырываются. - Прости, что ... Понимаю, ... когда чья-то смерть...- так внезапно вставший ком не даёт договорить, перед глазами всплывает глаза того мужчины. Лайан воспринимает мое молчание по-своему. Встаёт. Отступает к столу, устремляя свой взгляд в окно.

- Надя, Мавия умерла из-за меня. Что ты можешь знать?! Ты знаешь, что Я ЧУВСТВУЮ?! Как с этим жить? Я слышала ее крик боли и не было сомнений, что это она. В последнее время она вела себя как-то странно, - хочу поддержать ее и кладу руку на плечо. - Не надо.... Я не могу не думать об этом. Она мне снится. Я боюсь засыпать из-за этого. А этот крик преследуют меня в темноте. Даже сейчас я слышу его, - глубоко берет воздух, на выдохе

разворачивается ко мне. - Так что? Ты знаешь, что я испытываю? - повышает тон, в глазах слезы стоят. Нижняя губа дрожит. - Так что не нужно МЕНЯ УТЕШАТЬ, Надя! - повернувшись резко на звук, начала ждать того, что дверь сейчас откроется. Не могу вспомнить, закрывала её или она осталась приоткрытой. Не обратила на это внимание. Подождала несколько минут и спросила:

- Твоя мама знает?

- Нет. И не узнает, - отступаю назад, присаживаясь на прежнее место.

- Главное, чтобы Закира не знала, что знаешь ты. Мавия могла шантажировать Закиру, поэтому ...

- Она не такая, - противоречит Лайан. Выдыхаю и смотрю в пол. Понимаю опасения Самиды Аль на счет учёбы в другой городе дочери. Доверчивая и наивная, словно ребёнок. Но получать опыт через жестокие уроки слишком травматично будет для ее ранимой души. Всё-таки мать лучше знает своего ребёнка и знает как лучше ему поступить... к сожалению.

- Лайан, расскажи маме... - не успеваю договорить.

- Ты что? Надя, ты понимаешь, что говоришь? Она...

- Понимаю, поэтому и говорю. Она сможет защитить тебя...

- Исключено. Она не узнает об этом, - друг на против друга. Смотрит щенячьими глазами, на дне влага. - Надя, дай мне слово, что не расскажешь ей ничего.

- Не скажу.

- Дай слово, - стоит на своём.

- Даю слово, что не буду ничего говорить твоей маме ПЕРВОЙ, но если она спросит я не буду лгать, Лайан, - поджимает губы, но ничего не говорит.

В оставшееся время работу выполняли молча. Лайан стало легче, она с кем-то поделилась своей болью. Ее грызёт совет, а вина топит. Здесь, я не могу ей никак помочь и она виновата в случившейся ситуации сама. Понимает это, поэтому и отталкивает меня в поддержке.

А мне наоборот стало на душе тяжело. Ещё одна ядовитая мысль будет съедать по кусочкам, мешая отдохнуть. Тревожный червь начал свой путь глубоко в разуме, оставляя после себя только едкий страх, который не дает нормально сконцентрироваться и оценить здраво ситуацию.

Перед тем как уйти по комнатам, я еще раз попросила подумать о том, чтобы все рассказать Самиде Аль. Кивнула, перед тем как уйти пожелала спокойной ночи.

☆☆☆

Два дня спустя.

Сегодня грязной посуды очень много. Услышала от девушек, что бизнес партнеры приезжают. День предстоит быть тяжёлым. Господина Амина все также нет, его заменяет Мустофа. До нас не дошла информация, что случилось с отцом Имана, а Самада Аль говорит, что нам не положено такой информацией владеть.

Я не успевала, только вымою одну, повернусь, а там уже в два раза больше. Старалась быстрее, прилагая все силы, но этого было недостаточно, а слышать каждый раз замечания Хиджры я уже просто не могла. Раздражение подстегивало ляпнуть что-нибудь колкое, но я во время прикусывала язык.

Плюнула на всё и делала в своём рабочем режиме. Через несколько часов я уже не чувствовала рук с пальцами. Не знаю с чем связана была доброта Хиджры, но она ко мне приставила девушку.

Сливочный запах блюд щекотит вкусовые рецепты. Пахнет так, что даже пришлось пару раз рот закрывать, чтобы слюна не капала. Наш обед сдвигается, а есть уже хочется. Сюда по количеству еды, не бизнес партнёры, а рота изголодавшихся солдат придут с поля боя. Но зная здешние правила, нам тоже что-то перепадёт с барского плеча.

- Так партнёры с семьёй приезжают, - девушка по имени Зула пояснила после моих возмущений. - Сначала всеобщее застолье в главной гостиной, а после мужчины уединяются в комнаты для решения проблем, женщины продолжают в своем крыле, - можно догадаться как и с кем они уединяются там. Зная теперь правду о светской арабской жизни, я уже на все смотрю через призму лицемерия и похоти.

Я изменилась и не в лучшую сторону. Узнают ли меня родители и моя Ева? От прежней Нади осталась только оболочка. И то, она с пометинами на теле.

Никогда бы так раньше не подумала, сказали пошли решать, значит, так и есть, а сейчас ... Хотя мне какое дело чем и как они будут решать вопросы. Сама не пойму с чего такие мысли пробрались в голову.

Я лгу. Лгу самой себе. От самой себя тошно становится. В кого я превращаюсь?

На секунду. На долю секунды я представила картину, что к Иману будут приходить партнёры и они будут уединяться для решения спорных моментов.

Стало жарко от разыгравшейся картины.

- Схожу попить.

- Тебе стало плохо? Давление? Ты такая красная стала.

- Жарко стало, попью воды и нормально станет.

Сегодня на кухне очень много народу, хоть все свои, но постоянное хождение девушек с подносами, туда-сюда снующихся помощников-поваров с продуктами... кажется, что народу в три раза больше.

Свежего воздуха катастрофически не хватало, не помогал кондиционер, если только не стоять прямо под ним.

Переборов мелкий страх перед Хиджрой, я решаю выйти на улицу. Под козырьком солнце не попадает, ветерок еле ощущаемый, но это лучше, чем на кухне.

Делаю глоток. Прохладная вода студит разгорячённую от бестолковых фантазий кровь.

Не было ни дня, чтобы я не думала о Имане. Всегда, когда молюсь за него, промелькают наши моменты. И часто задаюсь вопросом, что будет дальше? Когда он придет и узнает о беременности, он сможет сдержать свое слово?

Глубоко внутри кто-то шепчет, что отпустит. И почему-то я верю этому голосу, но также я верю словам Камала, что Иман не уйдет из моей жизни.

"Дура, Надя, что тратишь на это силы сейчас" - ругаю себя мысленно. Зачатки непонятных разуму чувств нужно сейчас же уничтожить, стереть в порошок, потому что потом... потом уже будет поздно. Лучше сразу, и так достаточно боли познала.

Никто не знает, когда вернется Иман, что будет со мной к его приезду, и что будет после, может он уже охладел ко мне, а я тут только зря свои килокалории трачу на странные мысли и картинки, врывающиеся как ураган в сознание - неожиданно и разрушающе, оставляя после себя разруху в душе из-за того, что я должна думать только о доме, о том, кто меня ждёт и кто любит, а не о мужчине, которого я толком не знаю.

Пора возвращаться.

За несколько метров до двери на кухню услышала мужеподобный тон Хиджры.

- Вот что ты наделала? Столько времени в пустую? Спустишь на Землю уже. Не твое это места, Лайан. Поговорю с твоей матерью, чтобы прекратила этот балаган, - Лайан стоит с опущенной головой возле разбитой посуды, а рядом приготовленное блюдо перевернуто и размыто по полу.

- Простите, я случайно.

- Тут не место криворуким, Лайан. И не посмотрю на то, чья ты дочь. Наказана. Снова. В следующей раз будешь уволена. Остаешься после всех без помощников. Поняла? Сама! Надя! Тебя это тоже касается! - я уже дошла до своего рабочего места. Оборачиваюсь. - Если узнаю,

что помогала - жить будешь на кухне! А ты, - поворачивается к Лайан, - будешь в грязной зоне сегодня.

Девушку больше не слышу. После того как к нам присоединилась Лайан атмосфера изменилась, стала более ошутимей. Появилась легкое напряжение. Переговаривались по делу. Девушка закрылась в себе, отвечала не сразу, если что-то говорили или спрашивали.

Работа шла быстрее и было время даже отдохнуть. Удалось ухватить пару деликатесов на обеде. Тот сливочный вкус невозможно будет забыть никогда.

- Нам осталось мешки вынести и домыть пару кастрюль. Давай, я пока начну выносить, а Лайан как придет присоединиться.

Погрузив несколько мешком на тележку, так я решила, что будет быстрее, пошла к мусорным бакам.

На кухне народу стало меньше. Зула уже закончила и ушла в комнату. Я же хочу ещё посидеть под деревом после работы. Злит Хиджру я не хотела, поэтому старались делать всё в процессе, Лайан только помоем полы.

- Вы не видели Лайан? - спросила у помощника-повара.

- Нет. Не заходила, как ушла.

Странно. Должна была уже прийти за это время. Схожу до Самиды Аль после того как уберу мусор.

Легкое волнение поднялось из глубин. Сердце забило быстрее.

Положила в тележку оставшиеся мусорные мешки и быстрым шагом к бакам, чтобы поскорее найти Лайан и успокоится.

Но чем ближе становились баки, тем выше становилась тревога.

Остановилась. Никого. Только иногда слышен был женский смех, где-то рядом, значит, есть хозяйская беседка.

Прислушиваюсь. Сейчас уже не волнение, а колкий страх, что комом застрял в горле.

Не ужели всё придумала? Почему такая реакция тела?

Не увидев ничего подозрительного, воздух в легкие стал проникать и рациональное мышление стало проясняться.

Это всё стресс и нервы. Так влияет беременность. Всё хорошо.

Выбросив мешок, услышала легкое болезненное покашливание.

- Кто здесь? - страшно идти за стенку. Страх волной вернулся с большей силой.

Боюсь, но иду, делая осторожные шаги и возможно теряя драгоценное время, но...

- Оо.. Боже, - подбегаю к Лайан. Мои самые страшные догадки подтвердились. - Что произошло? - затуманенный взгляд. - Кто? ПОМОГИТЕ! - крови слишком много. Прижимаю скомканный подол к ране. Кривится.

- Да, девочка, больно. Потерпи чуть-чуть. ПОМОГИТЕ!

- Прости меня... Надя, - очень тихо, но в сознание вонзаются так слова, словно в ухо кричат.

- Тише-тише. Побереги силы, Лайан. Не говори. Это всё потом.

- Я... должна сказать...

- Лайан, не говори, - руки испачкались в крови. Она вытекает сквозь пальцев, стекая теплой струйкой по руке. - Тебе нельзя напрягаться. Чёрт. Я позову кого-нибудь. Постарайся не отключиться. Я быстро.

Подрываюсь и бегу назад. Господи. Бедная. Не такая жестокая смерть, как у Мавии, но все равно мучительная. Или... или ее не хотели убить?

Пульс стучит в висках.

- ПОМОГИТЕ! - бегу за дом, где слышала голоса. Вижу двух встревоженных женщин, идущих мне навстречу. - Прощу, там девушка с ножевым.

- Лайан? - Подбегаю. Без сознания.

- САРИМА, ЗАКИРА, - зовёт взволновано, и махая рукой. Они были в саду. - БЫСТРЕЙ.
- Ускоряют шаг.
- Что такое? - подходят к нам и смотрят на окровавленный живот Лайан.
- Она без сознания, нужно срочно в больницу, - подол весь пропитался кровью.
- Ты что-нибудь видела?
- Нет. Я выбрасывала мусор и услышала кашель.
- А может это ты её пырнула? - наигранный страх Закиры отдаёт вонищей. За этой наигранностью скрывается что-то такое, что Закира пытается спрятать. Не могу понять.
- Не говори... - прикусываю язык. Отвлекаюсь на звук за спиной женщин. Бежит в нашу сторону Саида Аль.
- Ох, Аллах. Как? Кто? Девочка, моя любимая, - падает на землю, трогает трясущимися руками лицо, плечи. - Лайан, девочка моя, - пачкает в крови руки и начинает плакать, не сдерживая больше своё волнение за дочь.
- Надя, что произошло? - надрывным шепотом спрашивает и смотрит, отвожу взгляд. Проверяя пульс.
- Я не знаю, Саида Аль.
- Тебе не кажется это подозрительным? - голос Закиры. - Ты оказалась в нужном месте и в нужное время, - Саида Аль поднимает на меня заплаканное лицо и просмотрев несколько долгих секунд возвращает всё своё внимание к дочери.
- Сразу в больницу. Назовите нашу фамилию, - распоряжается Сарима. Лайан уносят на носилках в сторону дороги. Её мать бежит следом, держа за руку единственную дочь, не прекращая что-то шептать.
- Бедная девочка. Что ей пришлось испытать, - говорит та женщина, которая шла мне навстречу. Кровь высыхает на руках, становится липкой и неприятной. Опускаю взгляд, только сейчас замечаю как пальцы мелко дрожат. Моё платье тоже в крови, но из-за того, что она темного цвета - это не так заметно.
- Мы разберёмся, что здесь произошло.
- Скажи, Надя, а чем вы спорили с Лайан на кухне? - сначала не поняла о чем спрашивает Закира. Моё молчание заставляет всех уставиться на меня. Теряюсь.
- Мы... мы не спорили. Обсуждали кое-что.
- А может... - пытается заговорить Закира.
- Так. Ладно, мы во всем разберёмся, - Сарима перебивает, Закира сжимает губы в тонкую линию. - Иди в комнату и приведи себя в порядок, а потом расскажешь, что видела. Может у Лайан было странное поведение. - Нам стоит вернуться, - обращается к гостям, теряя ко мне всякий интерес. Женщины уходят, но не в сторону беседок, а в сторону дома.
- А я стою на месте и не могу сделать ни шага.
- Как раз такого исхода я и опасалась. Смотрю на кровавую землю, где лежала девушка и к горлу подкатывает тошнота. Запах крови усиливает это чувство.
- Направляюсь в комнату. Хорошо, что по пути никого не встретила.
- На лице разводы крови. Срываю вещи и бросаю в корзину с грязным бельём. Забираюсь в душевую кабинку, выкручивая краны до конца.
- Сажусь на плитку, опираясь на стену и смотрю на розовую воду, что смывается с окровавленных рук. Тру пальцы, где кровь успела высохнуть. Умываюсь.
- Когда это всё закончится? Скажи мне, Господи, что ещё ты мне подготовил? Через что я ещё должна пройти?
- Наклоняюсь к полу. Капли колко ударяются о спину, отрезвляя меня, но это только на время, на пару минут, а потом память начинает истязать меня. Медленно и мучительно, прокручивая моменты с раненой Лайан.

Её болезненный кашель, её тихий шёпот боли. Она хотела мне что-то сказать, а я её остановила. Возможно, это было важно, но я не могла позволить Лайан терять и так иссякаемые силы.

Как мать я понимаю Самиду Аль. Стоит только ребенку удариться и заплакать, как мать будет утешать ребенка и сдерживать всеми силами свои слёзы, чтобы не показать настолько сама испугалась в этот момент. Такова материнская любовь. А здесь... То что испытала сегодня Самиди Аль можно почувствовать только тогда, когда сам окажешься в такой же ситуации. Врагу не пожелаешь пройти через это.

Облокачиваюсь на стену и закрываю глаза.

Я буду молиться за твое здоровье, Лайан. А по поводу разбирательств, что обещала Сарима, я уверена, что Закира к ранению имеет прямое отношение.

Успокоившись, я поняла какое истинное состояние скрывала Закира. Свою дёрганность, нервозность и волнение в дрожащих пальцах, которые она постоянно держала за спиной.

- Пожалуйста, дай мне сил, Господи. Дай сил, - кладу руку на плоский пока ещё живот, - выносить этого ребенка.

Анель была права. Бог дает то, что нужно и то, что даёт силы идти дальше. Новая жизнь подпитывает меня, давая надежду, что скоро это все закончится. Я верю в это. А Анель я каждый вечер благодарю, что смогла меня вразумить. Мне её не хватает. Комната стала пустой и безжизненной. Её смех творил чудеса, а её улыбка излучала свет в этой маленькой и темной комнатушке. Молюсь, чтобы у неё все было хорошо и Бог уберег её от тягостей в жизни. И так натерпелась с братом игроманом.

Встаю, беря с полочки гель для душа.

Новую форму беру в тумбочке, а мокрые волосы закручиваю в тугий пучок.

Я не знаю чего стоит ожидать от разговора с Саримой, но внутри засело неприятное предчувствие.

Глава 12

Стою на против двери и не могу постучать, словно рука приросла к телу.

После того как вышла в коридор и пошла искать девушек, кто знает, где можно найти Сариму, меня девушка-горничная нашла и сказала следовать за ней. Не сказала кто именно позвал, да я и не спрашивала, так как была уверена, что это Сарима, она ведь сама сказала, что после совершится разговор.

Так я познакомилась со второй женой Господина Амира.

- Входи, - доброжелательный голос слышится в глубины кабинета.

- Добрый вечер. Са... Госпожи Саримы не будет? Она гово...

- Какая разницу кому рассказывать? Но так и быть, я удовлетворю твоё любопытство. В первый и последний раз, - женщина вроде говорит все с улыбкой и голос благодушный, но несёт притворством. - Она осталась с гостями, а рассказывать будешь мне. Зови меня Госпожа Фарида. Я вторая жена высокоуважаемого Господина Амира, - чувствуется гордость за мужа и безусловная любовь, даже в таких простых словах. Эта женщина вложила все свои чувства и только глухой бы не понял, что мужа она благодотворит.

Продолжаю стоять возле двери. Странное чувство не даёт расслабиться, легкое волнение заставляет убрать руки за спину, чтобы не выдать себя.

- Расскажи, что произошло? - Фарида сидит на диванчики не далеко от письменного стола. Полубоком. В руке держит чашку с ароматным чаем.

- Ты можешь пройти вперёд.

Делаю пару шагов вперёд, вставая за креслом.

- Я выбрасывала мусорные мешки и во второй раз услышала кашель за преградой.

Как увидела Лайан, сразу побежала за помощью.

- Ты сказала во второй раз? В первый раз ты ничего не слышала?

- Нет, было тихо, - внимательный взгляд ощущается физически. Становится некомфортно. - Вам что-нибудь известно на счёт Лайан? Как она?

- Идёт операция, - ощущение как будто камень падает с плеч. Значит, успели. - Замечала странное поведение? - главный вопрос и я не знаю, что отвечать. Правду или солгать. Но что из этого будет опаснее?

- Только подавленное состояние после смерти Мавии... но мне кажется, это было связано с тем, что они общались и девушка так переживала смерть знакомой, - вроде и сказала правду, но и многое недоговорила.

- Интересесно... - протягивает гласные и отводит взгляд на картину, что за мной.

У меня же есть возможность рассмотреть кабинет Госпожи Фарида и её саму.

Довольно светло, без темных тонов, кроме занавески слева, что скрывает небольшую комнату.

Арабский стиль. Подушки. Много подушек. Низкий стеклянный столик. Изящные дорогие кресла на черных ножках. Темно-молочного цвета портьера. Возле окна, прямо напротив двери стоит стол. Акцент в комнате сделан на нём. Привлекает к себе внимание своей ручной работой в узорах и росписях. Стены не загружены картинами.

Сама Госпожа Фарида выглядит привлекательной женщиной пятидесяти лет, когда-то она была красивее, когда её не украшал шрам на левой щеке. Довольно большой и глубокий, но женщина старается его максимально скрыть, делая только хуже косметикой.

- Всё успела рассмотреть? - вздрагиваю от резкого вопроса, но голос спокойный. Её выдают глаза. Её суть и её утро.

- Простите... - опускаю голову в пол.

- Есть то, что ты от меня скрыла? - прямо спрашивает, как будто знает куда больше, чем показывает.

Вязкая слюна собралась в твердый непроходимый ком.

- Нет...

- Нет, Госпожа. Есть определённые нормы обращения...

- Нет, Госпожа, - перебиваю, но не специально, слова сами сорвались с языка.

- Сама совсем вас распустила, - строгий тон. Губы в тонкой линии. - Ладно, я потом с ней поговорю. А ты... если ты мне солгала ты об этом пожелаешь, - встаёт, поправляя несуществующие складки на закрытом платье. - Ты свободна, - делает шаг в сторону письменного стола.

- Простите, ... Госпожа, а вы... вы знаете что-нибудь о Имане, - я совершила ошибку. Грубую ошибку. Фарида меняется в лице. Цепкий взгляд. Если до этого она не показывала свою враждебность, то сейчас от одного вопроса волну ненависти я ощутила физически. Не понятно на меня была она направлена или на упоминание Имана.

- Только законная жена имеет права ТАКОЕ спрашивать, а не помойщица и тем более бывшая наложница, - дура. Какая ты дура, Надя. Приближается медленно, словно хочет напасть. - Сколько наглости... у вас спрашивать такое...

- Я ничего такого не имела ввиду...- спешу обозначит то, что имела ввиду, а не то, что подумала эта женщина.

- Кто тебя воспитал, что ты имеешь наглости перебивать старших тебя по статусу людей, не говоря уже о возрасти, - трижды дура. Вот теперь расхлебывай, Надя. Иногда лучше не спрашивать некоторых людей, ибо потом сотню раз можно пожалеть.

Мне стоит огромных усилий держать молчание и покорно слушаю гневную речь Саримы. Она не Закира. Она куда опаснее неё.

- Если еще раз только упомянешь в моём присутствии его имя, - дотрагивается до шрама, - пожалеешь, - повышает голос на последнем слове. - А теперь пошла вон, - разворачивается, чтобы уйти.

- За что вы так его ненавидите? - тихо слетает с губ. - Вы его практически вырастили...

- Ненавижу? - злобно усмехается. - А за что его любить? Бастард рождён от шлюхи. Грязь. И сейчас он там... расплачивается за свои грехи и грехи своей матери-потаскухи, - сжимает кулак и подносит к груди. - И я его не растила, - произносит так, словно лимон ест.

Столько гнева и ненависти я не видела даже у Закиры.

Хоть она и прячет свое черное нутро под маской доброжелательности и мягкого голоса, лицемерие и двуличность никакой маской не скроешь.

- Довольна? Ты узнала все, что хотела? А теперь пошла вон, мне нужно побыть одной, - направляется к письменному столу.

А я пулей выбегаю из логово обмана и криводушия. Закрываю за собой дверь и облакачиваюсь на неё.

- Вот кого стоит бояться, Надя. Закира по сравнению с ней маленький щенок.

Делаю пару глубоких вдохов и направляюсь в свою комнату.

☆☆☆

После тяжелого знакомства и разговора мне понадобился душ.

Крупные капли бьёт нежную кожу, но я этого даже не замечаю за бесконечным водоворотом мыслей.

Мне кажется Фарида большую часть времени проводит в своем убежище, скрывая себя настоящую от общества. Чей сын Мустофа тогда - Саримы или Фариды? Во время разговора она притрагивалась к грубому рубцу, не ужели это сделал Иман когда-то? Или это сделала его мама?

Я помню, как Самида Аль рассказывала о матери и отце Имана. Господин Амир её безумно любил, хоть и держал в статусе любовницы даже после рождения сына.

<<Не повезло ей оказаться между двумя хищниками>>. Значит, Асад тоже любил мать Имана, что же тогда с ней случилось?

Беру гель для тела. Веду по животу, осторожными, круговыми движениями. Стала замечать, что часто трогаю неосознанно живот. Глажу его. А ещё мне безумно понравилось разговаривать с малышом. В такие моменты становится тепло на душе, уходит одиночество.

Уверенна, там мальчик. Он даёт свои крошечные силы для нового дня и даёт безграничную надежду, что скоро чёрная полоса закончится.

Только сколько бы дней не прошло, а Имана всё нет. А неизвестность с каждым новым днём разъедает черепную коробку ядовитыми раздумьями. Те травмы, что он получил были куда опаснее, чем я предполагала? Но Камаль сказал, что если он мёртв, то тело вернули бы для захоронения. Значит, это всё может продолжаться неизвестно сколько времени.

- Ничего, малыш, скоро это всё закончится и твой папа вернётся и ... И что будет дальше... я не знаю.

Камаль прав, когда Иман узнает о беременности, как он сможет отпустить своего ребёнка? Он не бросит его. Но я здесь не останусь.

Страшно даже думать о дочери и о родителях. Слезы сразу собираются в уголках глаз, ноющее чувство в груди возвращается с новой силой. В последнее время стараюсь о них не думать, видимо, гормоны. Или действительно сил уже не остаётся здесь находится.

Как моя Ева там без меня? Стала лучше разговаривать? Я пропускаю самые невероятные моменты в жизни своей дочери. Как же хочется вдохнуть её запах и почувствовать рядышком теплое тельце. Почувствовать тяжесть её ножек на животе и ...

Механизм боли запущен, его невозможно остановить. Она разрывает меня, заставляя захлебываться и глотать воздух маленькими порциями словно рыба на суше.

Я долго держалась, долго в себе держала удушающий страх за будущее, давящую усталость и постоянное нервное напряжение. И вот случился прорыв. Всему приходит конец, и моей выдержки пришёл.

Повезло, что у меня есть родители и о Еве есть кому позаботиться. Мысли плавно возвращаются к Самиде Аль и Лайан. Они втянуты в чужую историю. К сожалению. Не возможно даже представить какого сейчас Самиде Аль. Что она испытывает, зная, что дочь замешана в чём-то. Женщина не глупая и должна понимать, что случайности здесь не место.

Выключаю душ. Хватит, а то опять не выплусь, а ещё нужно помолиться. Не известно сколько ещё буду засыпать.

Уснула я довольно быстро, а вот проснулась...

Резкий грохот открывшейся двери.

Подскакиваю и спросонья тру глаза, пытаюсь рассмотреть, что происходит.

- Я чувствовала, - слышится всхлип.

- Вставай, - грубый голос обращается ко мне. Мужчина стоит надо мной, возвышаясь скалой.

- Что случилось? - прикрываюсь простынкой.

- Вставай, я сказал! - резко дергает мужчина, заставляя неуклюже подняться. Путаюсь в простыне.

Закира. На лице печаль и сожаление, в глазах влага. А рядом Фарида.

- Зачем ты мне солгала? – со злостью спрашивает Фарида.

- В чём? Я не понимаю, - мне не комфортно от рядом стоящего мужчины. От него веет угрозой и ненавистью.

- Нам Лайан рассказала, - отвечает первая Закира.

- Что рассказала?

- Вы с ней поссорились накануне и Лайан сказала, что лучше будет если все рассказать маме, а ты ей это запретила. А сегодня вечером, Лайан опять пыталась до тебя достучаться, и ты решила действовать другим путём, - Фарида объясняет, но голова после сна не хочет воспринимать чей-то непонятный бред.

- Зачем мне это делать? Я наоборот, говорила, чтобы она всё рассказала, - быстро пытаюсь объяснить, сжав на груди простынь, но... выходит противоположный эффект.

- Как же я ненавижу ложь, - устало произносит Фарида. - И не смей оправдываться.

- Правда. Я... я этого не делала, - смотрю на всех огромные от страха глазами и не вижу... ничего. Ничего нет, что могло бы мне помочь. Охранник злобно ухмыляется, Закира продолжает театрально изображать переживание за состояние Лайан. А Фарида больше озлоблена из-за того, что я якобы солгала. Только, что конкретно она знает я уже узнать никогда не смогу.

- Куда её, Госпожа Фарида? – лишённый каких-то эмоций спрашивает мужчина.

- Вниз, - сильный захват на плече.

- Пожалуйста, я ничего не делала. Закира, - смотрю на неё умоляюще, - Госпожа Фарида, я это не делала. Перепроверьте. Лайан лжёт. ЧТО ИМЕННО ОНА ВАМ СКАЗАЛА? - кричу уже возле двери, оборачиваясь на них. Охранник тянет, оставляя жжение на плече, но страх не даёт почувствовать всю боль. - Прошу, я этого не делала! - в коридоре стоит Хаят и Зула. Они смотрят с сожалением, но они не в силах что-либо сделать. - Я этого не делала. Меня оболгали, - тянет, я не успеваю. Спотыкаюсь о край ночнушке, но охранник не даёт упасть.

- Быстрее давай, - сильнее сжимает руку. Морщусь от боли, но ничего не говорю в слух. Знаю, что сделает больней, а моя боль для него, как конфетка для ребёнка.

Господи, за что это? Скажи, за что ты так со мной?

Всю дорогу до подвала не прекращаю молиться.

- Что ты бормочешь? Молишься что ли? Давай, может поможет, - толкает в спину. Падаю на колени.

- Нет! - подрываюсь и бегу к прутьям, хватаю, чтобы не успел закрыть. - Отпусти меня, слышишь? Я ничего не делала, слышишь? - мне не хватает сил справиться с крепким мужчиной, но я продолжаю тянуть, чтобы дверь не захлопнулась.

- Мне плевать. Отпусти или потом сама будешь виноватой.

Вытираю слёзы.

- Пожалуйста, - сильнее сжимаю холодные железки. - Прошу. Я здесь... умру...

- И сделаешь только всем одолжение. Пошла вглубь, - смотрю и не вижу человечности в глазах у этого огромного мужчины.

Продолжаю тянуть. А он резко дергает рукой, и пытается всунуть ключ в замок.

- Нет! - меня охватывает безумие. Стучу. Кричу. - Нет! Лайан солгала. Я ничего не делала. Не хочу здесь!! Пожалуйста.

- Сама виновата.

Чувствую боль под ключицей, а после жёсткое приземление на холодный бетонный пол.

Щелчок замка. Удаляющие шаги.

Тишина оглушает. Начинаю глубоко дышать, борясь с истерикой.

- Боже, за что? - обхватываю себя руками. - Мам... пожалуйста, помоги. Мне так страшно, - шепчу. - Так страшно. И так холодно. - А-а-а-а, - ору в руки, чтобы приглушить крик боли, отчаяния и дикого страха за будущее.

Глава 13

- Мам... я так хочу к вам... домой, - задрал высоко голову, говорю в пустоту. Мокрые дорожки текут вниз на ночнушку.

Не уж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.